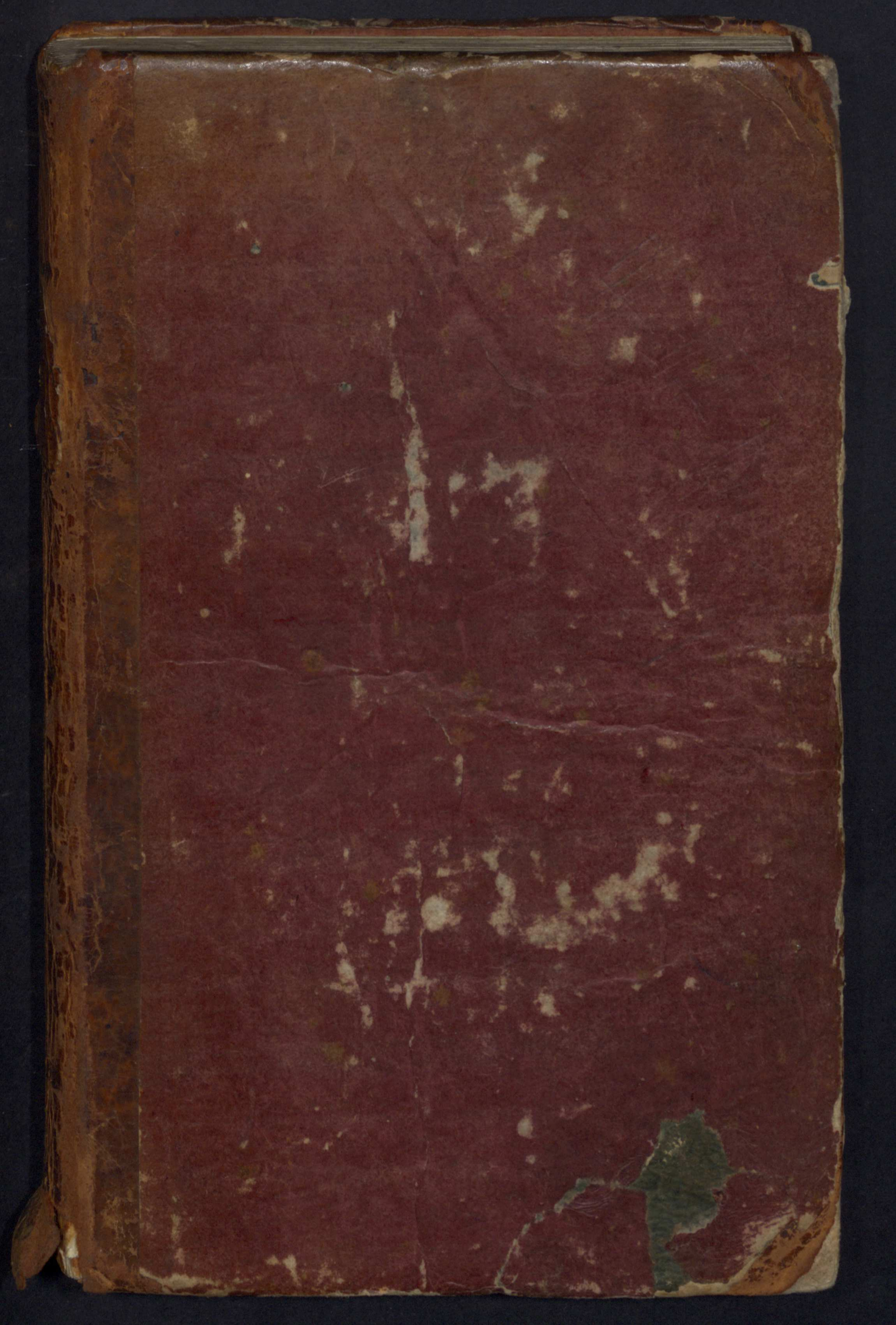
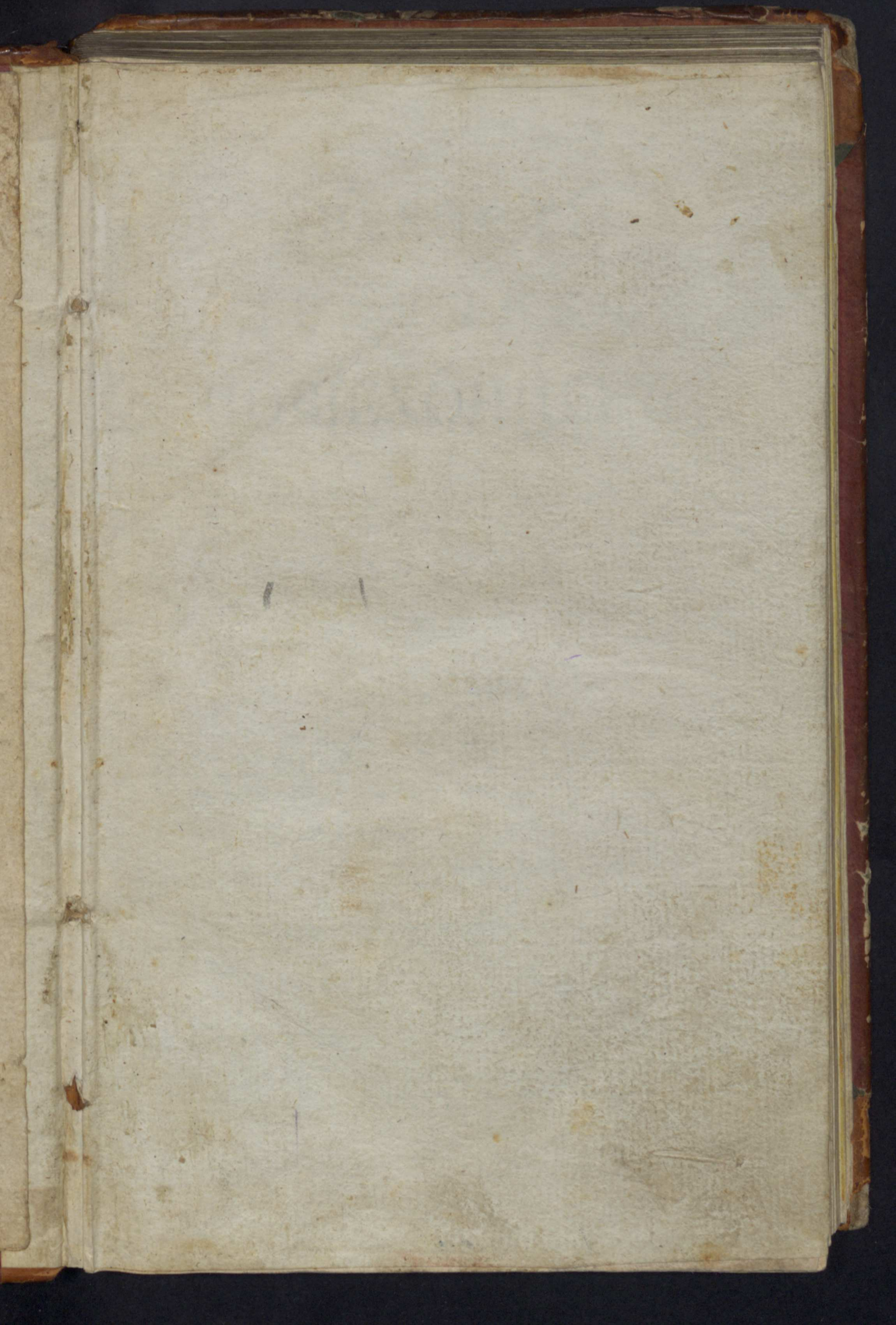

АНЕКДОТЫ ДРЕВНИХЪ ПОШЕХОНЦЕВЪ.

сочинение

Василья Березайскаго.

Во всякомъ вѣкѣ бываютъ басни, и нѣтъ народа, которой бы не имѣлъ своихъ собственныхъ.

Essai sur le poëte epique.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

ВЪ Типографіи Государственной Медицинской Коллегіи 1798 года.

С҄Ъ дозволенія

Санктпетербургской Цензуры.

НЯНЮШКАМЪ

и

МАМУШКАМЪ

посвящается.

КРАСАВИЦЫ НЯНЮШКИ!

ЛЮБИМЫЯ МАМУШКИ!

Нѣтъ достойной жертвы хвалы и благодарности, коею бы воздать вамъ было можно за всѣ ваши неищетныя одолженія обществу. Такъ — что горящій свѣтильникъ во тьмѣ, то вы точно во свѣтѣ. Чудной вашъ даръ поучать ввѣренныхъ смотрѣнію вашему питомцовъ, есть убѣдительнѣе всякаго витіи — и ученіе ваше не красноглаголиво токмо, но паче сильно, основательно, полезно, чисто, привлекательно, сладко, прелестно. Сего ради, когда вы отверзаете уста ваши, на проповѣдь, всѣ

васѣ слушаютѣ сѣ благоговѣй-нымѣ вниманіемѣ — ни кто не дерзаетѣ прервать вашего разглагольствія — и горе, горе бы послѣдовало тому, кто бы отважился сіе сдѣлать! Вы вѣ слушателяхѣ вашихѣ по изволенію производите смѣхѣ, и извлекаете слезы. Да умолкнутѣ отселѣ завистники и враги ваши. Долго омрачаемая ваша слава открылась нынѣ во всемѣ своемѣ сіяніи и совершенствѣ. Уже изѣ просвѣщенныхѣ нѣтѣ ни единаго сомнящагося, что вы знаете для другихѣ, и какихѣ же? немогущихѣ еще выговорить *ла-ла*, *ма-ма*, время сна и бдѣнія, часѣ позыва кѣ принятію пищи, питія, и — и обратно — Что же

болѣе всего; вы врачуете, или пристойнѣе сказать, унимаете всякаго рода болѣсти и немочи; да и какъ же? не отваживаясь никогда на удачу, но все по наукѣ, по преданіямъ, и слѣдственно по правиламъ самымъ надежнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ. На примѣръ если сядетъ у кого на глазу ячмень, то для прогнанія такого гостя, стоитъ только по наставленію вашему, къ тому глазу поднести кукишъ, приговаривая сіи достопамятныя слова: ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишъ, что хочешъ, то купишъ; купижъ себѣ топорокъ, сѣки себя поперіокъ. Ахъ! сколько есть у васъ подобно спасительныхъ рецептовъ! Но къ чув-

ствительному сожалѣнію вамъ рѣдко дается полная власть отъ родителей. Сіи лиходѣи своимъ дѣтямъ, ужъ чудо, когда приставляютъ васъ по семи къ одному дитяти. Но за то дитя сіе еще въ пеленахъ суще, какимъ бываетъ для нихъ утѣшеніемъ! Оно всегда видитъ болѣе того, кто на него смотритъ. И такъ какая надобность, хотя бы оно и объ одномъ зрячемъ было? — Въ сей безъ сомнѣнія немалолестной для васъ истиннѣ вы сами признаться можете и долженствуете. Но да не оскорбится скромность ваша, когда я продолжу хвалу вамъ — есть ли въ природѣ какая тайна, которая бы отъ всеобъемлющаго ва-

шего проницанія была сокрыта? Чево вы не знаете? вы вѣрно предсказуете войну по столбамъ видимымъ на небѣ и когда хорошенько посмотрите на оные, то тутъ же скажете, чья будетъ побѣда. Урожай и неурожай хлѣба по разнымъ наблюденіямъ вы предвѣщаете еще прежде посѣва. Вы по собственному вашему календарю и вычисленію предугадываете намъ стояніе и перемѣну погодъ на всѣ времена года. Ахъ, какъ сладко бесѣдовать съ вами! — Вы повертываете решетомъ, разводите бобами, заговариваете воду, когда что сокровенное знать надобно — и въ случаѣ крайнія необходимости ученѣй-

шія и мудрѣйшія изъ васъ глядятъ на кофе или гадаютъ въ карты. Словомъ, для разныхъ потребъ въ житіи человѣческомъ, вы имѣете разныя средства, но всѣ равно дѣйствительныя и необманчивыя. — Правда, есть и изъ старичковъ нѣкоторые тоже весьма достойные и надобные люди, но я не смѣю ихъ сравнить съ вами знаніемъ: со всею премудрою премудростію ихъ, они такую имѣютъ противу васъ разницу, какую Саламанка предъ Кембричемъ, или вѣкъ Шкотовъ предъ Невтоновымъ. Ибо коли правду сказать, кто бы безъ васъ протолковалъ и изъяснилъ намъ сонныя видѣнія и грезы, какъ на примѣръ; что видѣнная

во снѣ гора по пробужденіи означаетъ горе, рѣка рѣчи, дѣвица диво, кровь кровнаго, мертвецъ снѣгъ (хотя бы ето было въ Петровки), горохъ слезы, лошадь ворога, собака друга, и прочее сему подобное. Счастливъ тотъ, кто соблюдаетъ ваши правила въ избраніи дня ѣхать въ дорогу, и кто несомнѣнно съ вами вѣритъ, какія худы, и какія хороши встрѣчи. Да, теперь сполагоря намъ знать, что предвѣщаетъ чесаніе ладони, лба, переносья, локтя праваго и лѣваго, брови той или другой, ушей и проч. такъ же, умываніе кошки лапою, выскакиваніе изъ печи угля, стукъ въ окнѣ кузнечика, пѣніе пѣтухомъ курицы и проч.

и проч. Но за все сіе кому, какъ не вамъ должны мы воздать всю честь и благодарность? — безъ вашего путеводства можетъ быть мы ни когда бы не выбрели на путь толикаго разумѣнія. Еще — вы знаете, какъ найти и достать кладъ, что тутъ надо сказать, какъ взять и проч. равно какъ и то, на какой день должно искать толь славную въ вашихъ запискахъ *разрывъ* траву, и на какой вечеръ спасительно лить воскъ или олово — о заговорахъ же вашихъ, ладонкахъ, корешкахъ, спрыскиваніяхъ, и особливо троекратномъ окачиваніи съ песта, я ни слова. Ето уже и малые ребята знаютъ, что сіи посо-

бія суть безцѣнное сокровище при изурокахъ, пострѣлахъ и родимчикахъ. Но что много? — Всѣ толь полезныя науки вамъ такъ знакомы, какъ другому свои пять пальцовъ. Встающихъ изъ могилъ и прогуливающихся по ночамъ мертвецовъ, буку, Ягу, Русалокъ Кіевскихъ, домовыхъ, водяныхъ, лѣсовыхъ и другихъ подобныхъ оборотней вы знаете лучше, нежели кощей безсмертный число, вѣсъ, мѣру своихъ сокровищъ. О глубокомъ вашемъ свѣденіи въ политическихъ исторіяхъ, я ни, ни. Вы такъ въ нихъ тверды, что безъ всякаго труда изъ одного царства помахиваете въ другое, и часто для связанія произшест-

вій сидя на одномѣ мѣстѣ быстропарнымѣ своимѣ умомѣ переноситесь вѣ одно мгновеніе за тридесять земель, за тридевять морей, вѣ подземельное, царство. Вы уволите, сударыни меня отѣ ненужнаго труда приводить на все сіе примѣры, тѣмѣ паче, что едино заглавіе ихѣ составило бы не маловѣсную книгу — однако не льзя не упомянуть, что обладая толикими совершенствами, вы, какѣ и всѣ православные, не опускаете, по Горацію, совокуплять полезное *для себя* сѣ пріятнымѣ. – Нѣтѣ моихѣ силѣ перечесть всѣ ваши достоинства и добродѣтели; но не прейду молчаніемѣ рѣдкаго благородства и бескорыстія ду-

ши вашей. Вы нескрыкаете подъ спудомъ, по примѣру не благодарнаго своего брата, талантовъ вашихъ, но благоохотно сообщаете оныя всѣмъ человѣкамъ въ пользу живущихъ и въ наученіе потомству. О колико было бы неблагодарно послѣднее, если бы оно забыло чудесныя преданія и память вашу. Для отвращенія сего вздумалъ я предать бумагѣ кой-какія сказанія о славившихся нѣкогда на бѣлѣ свѣтѣ проидошахъ Пошехонцахъ, и украсить оныя преславнымъ вашимъ именемъ. — Ирои велики, предмѣтъ важенъ и вашей кисти достоинъ; но для начинающаго шествовать по стезямъ вашимъ онъ не такъ то легокъ. И такъ

помогите мнѣ благодѣтельницы рода человѣческаго, сколько можно, лучше воспѣть громкую ихъ славу, и дѣянія весь свѣтъ насмѣшившія; ахъ, нѣтъ — я ошибся; весь свѣтъ удивившія. Позвольте, я не льщу себя тѣми лаврами, коими вы себя увѣнчали; а вотъ и причина: вы сами мнѣ, не помню, какъ то сказывали, что героинъ написать, не въ скаскѣ сказать. А я прибавлю: читаютъ ни одни малые, а и возмужалые. Прощайте — пора за дѣло.

ЛЮБОВѢДЪ КЪ СЛОВОХОТУ.

Другъ мой! кажется, нынѣ у насъ люди стали очень просвѣщенны. Ты самъ припомнишъ, что за весьма немного предъ симъ лѣтъ торговать книгами у купечествующихъ не почиталось торгомъ. Естьли ими и перебивали нѣкоторые частные люди, то безъ всякой коммерческой дальновидности; и гдѣ же? — Стыдно сказать, въ толкучемъ, вмѣстѣ съ желѣзными обломками, на ряду съ подовыми, на рогожкахъ, или на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ кои на день цѣпныхъ собакъ запирали; такъ что и подойти бывало страшно. Да какія же и книги были? Коли не сплошь, то большею частію,

разница — иноземщина — старь — запачканыя — ну сущій дрязгъ — иная безъ начала, другая безъ конца, третья безъ того и другаго, у четвертой брюхо, какъ ножомъ выпорото; словомъ, всякая всячина, лишъ бы лавошнику попалась посходнѣе, коли ни на то, такъ на другое. И Г^{да}. купечествующіе имѣя въ виду какой нибудь главной промыселъ на продажу книгъ глядѣли сквозь пальцы. Не говоря уже о другомъ; блинами, кислыми щами, и другими симъ подобными мѣлочами торговать они считали для себя выгоднѣе, нежели сею душевною пищею. Однако я ихъ въ етомъ не виню; ибо они можетъ быть имѣли на то свои причины. Но нынѣ, благодаря умудреніе и дѣятельность ума человѣческаго, какое различіе! Одна только книжная вывѣска — такъ любо глядѣть. А въ самую лавку войдешъ, словно въ какой

модной магазинъ; не вышелъ бы — какая чистота — какой порядокъ — есть на что полюбоваться, и изъ чего выбрать для провожденія съ пользою времени Однихъ сочинительскихъ именъ напечатана въ Москвѣ цѣлая книга, да и то еще только опытъ; а сколько переводовъ, и говорить нечего. Судить объ нихъ не наше дѣло. Довольно, что Публика узнала вкусъ въ чтеніи — Истинна сія изъ того явствуетъ, что всѣ отъ великаго до малаго стараются заводить библіотеки и учебные кабинеты, или по крайней мѣрѣ другіе опредѣляютъ для оныхъ мѣсто. Однако это дѣло почти постороннее. Я вотъ что хочу сказать тебѣ, для чего никто изъ соотчичей нашихъ при толь благопріятныхъ обстоятельствахъ для письмословія не вздумаетъ чего нибудь написать о Пошехонцахъ; право, это чудно. Когда объ нихъ

разговаривають, то всѣ слушають охотно. Я ето очень и не однажды замѣтилъ. Нѣтъ, кажется, человѣка, кто бы не зналъ объ нихъ какой нибудь историйки, и не любопытствовалъ знать болѣе. Ето подлинно рѣдкость; такая книжка по всему вѣроятію не сдѣлала бы подрыву. Въ ней можно помѣстить довольно забавнаго, не нанося никому обиды. Ибо подлинные Пошехонцы нынѣ вывелись. Слѣдовательно и повѣствуемаго объ нихъ никто на свой щетъ не приметъ — да ето бы и смѣшно было. Еще же сказать и то: не все закупорившись и нахмурившись бесѣдовать съ Аристотелями, Платонами, и прочимъ ихъ причтомъ; одно и то же можетъ наскучить: Самъ Соломонъ говоритъ, что *ученїе многое трудъ плоти*. И такъ надобно иногда почитать или поглядѣть и Недоросля. Ето дѣло по моему мнѣнію без-

грѣшное и безобидное. Климатъ нашъ хоть и суровъ; однако не всегда же ненастья да туманы, бываетъ и ведро. — Къ тебѣ, любезный Словохотъ, склоняю я рѣчь свою. Ты часто увеселялъ бесѣды наши повѣствованіемъ своимъ о Пошехонцахъ. Теперь я сталъ отъ тебя далеко — не откажи мнѣ въ моей прозьбѣ: Не можешъ ли ты мнѣ сообщать преданія объ оныхъ хотя помаленьку? Сказать ли тебѣ, что мнѣ пришло въ голову? Я хочу собравъ нѣсколько сего рода повѣстей выдать оныя въ свѣтъ сперва небольшою книжкою для увеселенія читателей; а послѣ, ежели увижу, что начало сіе будетъ принято благосклонно, постараюсь издать и продолженіе. И такъ услугою сею, о которой я тебя прошу именемъ всѣхъ охотниковъ, ты меня чувствительнѣйше обяжешъ. Ибо я надѣюсь ею сдѣлать угожденіе

всѣмъ книгочіямъ. Естьли же это сгоряча сказано много, такъ по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ. Вить и то не дурно; все лучше, нежели ничево. По малой мѣрѣ мнѣ такъ думается. А буде кто скажетъ намъ, что остающееся отъ должности, то есть, праздное время, можно бы употребить на что нибудь лучшее, то мы на сіе дадимъ такую отповѣдь: что можно и на худшее. И въ семъ случаѣ наше дѣло не будетъ ли то, что называется середка на половинѣ?

ЛЮБОВѢДЪ.

С. П. Б.

Словохотъ къ Любовѣду.

Любезный другъ! Предпріятіе твое мнѣ тѣмъ болѣе нравится, что я и самъ, правду тебѣ сказать, давно уже объ етомъ думалъ и думаю; да то бѣда, что не могу собраться, какъ приступить къ дѣлу. На словахъ то все таки кое какъ можно; ибо не всякое изъ нихъ ставится въ строку; а писать на бумагѣ со всемъ иное дѣло: что написано перомъ, того не вырубишъ топоромъ, говорится пословицей. — Сверхъ же сего гдѣ ты возмешъ достаточное собраніе сказаній объ етихъ Ироя хъ? Всякъ объ нихъ что нибудь знаетъ, говоришъ ты; но зачни же спрашивать, то увидишъ самъ, что не такъ то скоро нападешъ на знатока и охотника.

Когда что надобно, то тутъ тово и нѣтъ. Я право самъ плохой знатокъ въ Исторіяхъ; кои и слыхалъ въ ребячествѣ, тѣ вышли теперь изъ памяти. Въ наши годы на умѣ не басни. Онѣ, знаешъ — соловью худой кормъ. Однако отъ истиннаго усердія моего, съ каковымъ я всегда старался исполнять твои желанія, не могу преминуть, чтобъ и въ сей твоей прозьбѣ не оказать тебѣ должнаго послушанія. Были бы только тебѣ побаски мои въ угоду и пользу; я радъ тебѣ услужить ими, сколько сможется и съумѣется. Гдѣ чево не достаетъ, изволь дополнить, худое поправь; гдѣ сказано неловко, выдумай острѣе, что не такъ, передѣлай по своему вкусу, и представь свѣту въ такомъ видѣ, какой тебѣ будетъ угоденъ. Матерія ета почти стихотворческая; слѣдовательно и вольности стихотворческія въ ней

позволительны. — Вѣ прочемѣ, кто еще знаетѣ; можетѣ быть мы началомѣ симѣ кому нибудь подадимѣ поводѣ обработать предметѣ сей, какѣ надобно. Ахѣ, какѣ бы етому родительское сердце порадовалось! — Препровождаю кѣ тебѣ первое сказаніе о Кишотахѣ Пошехонскихѣ, дѣлай сѣ нимѣ, что изволишѣ.

СЛОВОХОТѢ.

Городъ Галичъ,
годъ нынѣшній,
мѣсяцъ на небѣ,
число въ святцахъ.

ПОСЫЛКА ПЕРВАЯ

ОТЪ СЛОВОХОТА КЪ ЛЮБОВѢДУ.

Ну, слушайте, начинается притча.

Въ Ярославскомъ Намѣстничествѣ при рѣкѣ Согожѣ обиталъ древле народъ именуемый Пошехонцами, и управляемый по тогдашнимъ обычаямъ Воеводами. Столица ихъ и по нынѣ пребываетъ на томъ же мѣстоположенiи, и подъ тѣмъ же извѣстна именемъ; но жители со всемъ стали не тѣ; они такъ переродились, что ни на волосъ не походятъ на своихъ предковъ. Отъ перемѣны климата, или отъ сообщенiя съ другими народами ето происходитъ, я ни того, ни другаго, хотя и знаю, не утверждаю; ибо намъ въ етомъ нѣтъ большой нужды. Ето дѣло касается ученыхъ; имъ и толковать о семъ предоста-

вляется — а наша цѣль со всемъ другая — Сколь счастливы на выдумки, ловки, развязаны, толковы, расторопны были оные древніе Пошехонцы, покажетъ слѣдующее.

Когда по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, (сказываютъ все по несправедливымъ наговорамъ и наушничеству) старый ихъ Воевода Взятколюбъ отъ правительства смѣненъ былъ другимъ по прозванію Щукою; то сіи свѣтъ знающіе люди сочли за долгъ отдать поклонъ сему новому своему градоначальнику. Въ слѣдствіе чево собрались они въ самое укромное мѣстечко, а именно въ подовинникъ, что бы никто не мѣшалъ, думать крѣпкую думушку, какъ бы все ето сдѣлать и лучше и прекраснѣе. Ибо имъ не хотѣлось, какъ говорится, на первой случай ударить себя въ грязь рожею. И такъ по долгомъ между собою совѣтованіи, прѣніи

и небольшой схваткѣ, на конецъ они положили для поздравленія отправить къ нему нѣсколькихъ депутатовъ, кои по лѣтамъ своимъ, разуму, опытности и знанію свѣтскаго обхожденія наиболѣе были уважаемы. Хотя они и не отчаявались къ благородному сему гостю прити прямо, то есть, съ передняго крыльца; (ибо у Воеводъ для случая важивалось и заднее) однако, дабы изъявить ему ощутительнѣе свое усердіе, они не хотѣли предстать предъ него съ пустыми руками. Новое затрудненіе; что принесть, не знаютъ: опять собираются въ угомонное мѣсто, засѣдаютъ, думаютъ, умудряются — долго ли, коротко ли это продолжалось, намъ до того нѣтъ дѣла — хоть день другой и погадали, да ужъ за то и выдумали — бѣленькаго баражка въ бумажкѣ? Скажетъ иной. Нѣтъ; для нихъ это, яко не новое, плевъ

бездѣля. Крестамъ же даперстнямъ, какъ тогда важивалось, они справедливо предпочли то, что будетъ оныхъ похлѣбнѣе и посытнѣе. И такъ въ послѣднемъ ихъ засѣданіи опредѣлено было отъ всего міру поднести дары самые лакомые и дорогіе, а имянно: горшокъ величиною съ добрую карчагу, что платье парятъ, соложенаго грѣшневаго тѣста, и еще живаго на тотъ случай къ счастію ихъ поиманнаго ворона, (не знаю, для забавы дѣтямъ воеводскимъ, или на жаркое) а сверьхъ того столько не высиженыхъ курочекъ съ яичкомъ, пѣтушковъ съ гребешкомъ, то есть: свѣжихъ яицъ, сколько было дымовъ въ городѣ. — Горшокъ съ тѣстомъ по праву старшинства взялся нести на головѣ *Самъ*, сирѣчь, староста *Непромахъ*, лукошко съ яицами выборной *Угаръ*, а ворона соцкой *Хватъ*. За ними должна была слѣдо-

вать вся отборная свита въ самомъ лучшемъ, какъ легко себѣ представить, снарядѣ и убранствѣ. Во увѣнчаніе же всего, уговорились они воеводу привѣтствовать слѣдующею рѣчью: „Здравствуй кормилечь „нашъ и съ кормиличой и съ цеце„ревятками.„ Но дабы удобнѣе привѣтствіе сіе заманить въ голову, и не сшибиться какъ нибудь во время говоренія, они взяли предосторожность раздробить его на три части. Староста по уговору ихъ долженъ былъ сказать начало привѣтствія: *Здравствуй кормилечь нашъ*, выбранной послѣ него продолжать: *и съ кормиличой*, а соцкой заключить: *и съ цецеревятками*. Дары изготовлены; привѣтствіе сочинено и выучено И такъ большая половина дѣла сдѣлана — остается только сходить и отшаркать ногами.— Уже пѣтухи въ послѣдній разъ пропѣли по полуночи; уже густой

дымъ изъ избъ валитъ столбами, разстилается и омрачаетъ горизонтъ Пошехонья. Предзнаменованіе во истинну не доброе — и пресловутый оный градъ приходитъ въ нѣкое смутное движеніе, старые обоего пола бродятъ, какъ угорѣлыя кошки; а молодые глядя на нихъ со всемъ безъ души; Словомъ, всѣ какъ изумленные на подобіе тѣней шатаются семо и овамо, опустя головы. Но мудрые наши вожди ни мало не взираютъ на сіе всеобщее уныніе своей веси, и посмѣваются внутренно суевѣрію простолюдиновъ. Толикое есть преимущество просвѣщенія предъ невѣжествомъ! — Посольство въ готовности, и любуясь своимъ убранствомъ, любуется само собою, гордится сдѣланною ему довѣренностію, и предъидущему съ горшкомъ на головѣ тѣста тихими и важными стопами старостѣ, при восклицаніяхъ на-

родныхъ начинается великолѣпное шествіе къ дому воеводскому, сопровождаемое несмѣтною толпою зрителей — переходъ былъ не далекъ; и потому сія славная процессія къ сожалѣнію зрителей кончилась скоро. Уже пройдоши наши у воротъ воеводскихъ; дароносцы лѣзутъ первые на крыльцо по своему чину; но имъ путь преграждается: Тутъ доносятъ они о винѣ своего пришествія, и чрезъ малое время имъ входъ во внутренніе покои отверзается. Какова имъ была первая встрѣча отъ воеводы, ето заподлинно неизвѣстно; только надобно думать, что не худая. Ибо дары были покрыты, какъ водится; воевода же былъ хоть и щука, сирѣчь проныза, однако не сердцевѣдецъ. И такъ кто какъ хочетъ, такъ себѣ и думай. По крайней мѣрѣ ихъ по достоинству проводили; а ето еще лучше и встрѣчи.

Сказываютъ, что *Непромахъ* глава и краса всего посольства, уже какъ рыбка на льду переводилъ одышку, и набиралъ въ себя поболѣе воздуху, готовяся начать огромное и высокое свое привѣтствіе, какъ нечаянно споткнувшись о порогъ, всею силою своею шарахнулся о земь. Другіе же говорятъ, будто у него на етотъ разъ развязалась оборка, и что де выборной плутъ наступивъ на волокшійся по полу ея конецъ, своею неліогкою, былъ всею причиною толь скоропостижнаго его колѣнопреклоненія. — Да полно какое намъ до етого дѣло? Непромахъ нашъ цапнувшись рыломъ о полъ, охнулъ изъ глубины сердца съ визгомъ, и въ торопяхъ молвилъ: *О цортъ бы цѣ задавилъ*! — Выборной не вслушавшись хорошенько въ его слова, и считая оныя за комплиментъ, приготовленный Воеводѣ, тотчасъ подхватилъ: *И зъ корми-*

личой, а Соцкой довершилъ: *И зъ цецеревятками*. Привѣтствіе сказано; теперь остается только дары сбыть съ рукъ долой. Церемонія ета истинно стоила бы того, чтобы поглядѣть ее; но мы за невозможностію ее видѣть, по крайней мѣрѣ хоть послушаемъ объ ней — Староста не успѣлъ, такъ сказать, хватиться носомъ о полъ, какъ горшокъ съ головы его всемъ отверстіемъ своимъ бацъ въ лицо Воеводѣ, и словно пріятель какой, ну съ нимъ цѣловаться, да миловаться. Воевода неприготовившійся къ сей нѣжной сценѣ, такъ двинулъ его кулакомъ по боку, что реченный ласкатель весь въ дребезги, только брызги полетѣли. Выборной, желая соблюсти въ точности данное себѣ наставленіе все, какъ должно, дѣлалъ свои па впередъ; но какъ то грѣхъ своихъ ради нечаянно наступивъ на шею старостѣ, и нехотя,

долженъ былъ прикурнуть съ нимъ вмѣстѣ. Лукошко изъ рукъ его на полъ какъ громъ, а яица покатились во всѣ стороны, только до Воеводы онѣ не достали; Ибо ему что то вздумалось отъ гостей поотшулиться. Соцкой, не именемъ только, да и самымъ дѣломъ Хватъ, поступилъ прямо похвацки. Онъ видя, что товарищи его дары свои съ рукъ сбыли, смѣкнулъ, что и ему зѣвать нечево. Подступилъ, какъ надлежитъ, къ Воеводѣ, и подавая ему ворона, выпустилъ его изъ рукъ, не давъ Воеводѣ протянуть своихъ для принятія сей птички. Воронъ въ торопяхъ, какъ угорѣлой, прямо махъ въ глаза Воеводѣ, и крыльями своими такъ плотно осѣнилъ его по макушкѣ, что заставилъ его сдѣлать себѣ самой почтительной книксенъ; и по томъ отъ Воеводы словно бѣшеной, бросился считать стекла то въ той, то въ другой оконницѣ.

Стекла внутрь и внѣ покоевъ бренчатъ какъ гусли, стукъ словно отъ каретъ въ миліонной, шумъ какъ въ торговой банѣ. Словомъ, во всемъ домѣ такая поднялась сумотоха, что хоть святыхъ вонъ понести.

Дѣти Воеводскія и съ нянюшками побросались отъ гостей всѣ какъ мыши по норамъ — кому куда ближе. Воеводша вообразивъ, что домъ ихъ посѣтили тѣ бесплотные красавцы, безъ коихъ ни одна мѣльница не строится, отгоняла ихъ крестомъ и молитвою; однако тщетно. Владыка дому самъ оторопѣлъ; стоитъ какъ изумленной, протираетъ себѣ глаза; ибо соложеное тѣстечко оные ему гораздо позаслѣпило --- о шлафоркѣ его нѣтъ дѣла; говорятъ, что онъ въ тотъ же день велѣлъ его ночи двѣ три для подновленія цвѣту, попарить хорошенько въ луковомъ перьѣ. Но бросимъ такія маловажности, а

возвратимся лучше къ своимъ нископоклонникамъ. — Непромахъ еще не вспалъ, только поворачивается, какъ сыръ въ маслѣ; передъ у него съ ногъ до головы въ тѣстѣ, спина словно въ яишницѣ, а лицо не въ примѣръ будучи, какъ у зарѣзанаго барана. Въ беспамятствѣ, хватается онъ руками то за затылокъ, то потираетъ себѣ лобъ, то поглаживаетъ виски. Угаръ малымъ чемъ его лучше; корчится, кривляется; подуваетъ что то на руку, попавшуюся подъ лукошко, и легохонько прячетъ ее за пазуху: сѣронѣмецкой его кафтанъ, отъ разбитыхъ яицъ сдѣлался блѣднопалевымъ: лицо какъ у святошнаго, такъ что и отецъ родимой тогда не узналъ бы его. Соцкой Хватъ то же схватилъ на калачи себѣ. Да правду матку сказать, досталось и всѣмъ сестрамъ по добрымъ сергамъ. Воевода прежде всѣхъ отъ изумленія опамятовавшійся, не долго далъ поздравителямъ

своимъ, однимъ нѣжиться, а другимъ ротозѣить — закричалъ: ей! — мало -- свиснулъ, зазвонилъ — набѣжало, наскакало, словно бѣшеныхъ — сказалъ, указалъ — начали, приняли, безъ разбору и бережи, кому чемъ ни попало, кто черепьемъ, кто яицами, и руками и пинками, кто въ носъ, кто въ зашеекъ, кто орясиной послѣ дяди Герасима, и по ушамъ, и по плечамъ, крестить, глушить,, валять, отдувать, тузить, дорогихъ гостей подчивать, и провожать съ высока терема Воеводскаго. Кратко сказать; ихъ такъ хорошо въ етотъ приснопамятной деніокъ у Воеводы угостили, что они устилали домой неоглядываясь. Дальнѣйшее описаніе сея пирухи, и чинъ возвратнаго шествія депутатовъ нашихъ восвояси, я оставляю. Описывать сіе, значило бы ослабить воображеніе читателя.

Таковъ конецъ перваго дѣйствія.

ПОСЫЛКА ВТОРАЯ.

Расказываютъ, что выше упомянутый воевода Щука, нѣсколько лѣтъ до Воеводства своего, жилъ въ Москвѣ; а для чего, ето не извѣстно. Догадываются, что онъ старую икру изъ кармановъ своихъ выкидывалъ, чтобы накопить новой получше и побольше. Домочадцы его, или по тогдашнему Халуи, которыхъ онъ привезъ съ собою въ Пошехонье, довольно на свой пай съ Бариномъ своимъ потолкались въ прихожихъ, и потоптали площадей Московскихъ. Они говорили о себѣ, что знаютъ всѣ входы и исходы, всѣ улицы и закоулки. Сіи краснобаи Пошехонцамъ, которые на отосткахъ своихъ почти выросли и далѣе лѣсу ничего не видывали, росписали свою Москву матушку самыми лестными и поразительными красками, какъ въ про-

чемъ и быть бы надлежало. И для чего не такъ? Ежели что правда, то правда. Но эти насмѣшники плуты, глухарямъ Пошехонскимъ напѣли много такого, чего и духомъ не бывало. На примѣръ, Ивана Великаго подняли они выше мѣсяца; Церквей нащитали ровно сорокъ сороковъ сороковъ; и все вызолоченыя, какъ жаръ горятъ. Царь колоколъ и Царь пушка по ихъ словамъ были, какъ двѣ самыя большія Валдайскія горы; что палаты все бѣлокаменныя высокія, а улицы широкія; что тамъ валенцы валяются по улицамъ, квасы все медовые, какъ сыта сладкіе, и поятъ ими безданно, безпошлинно и проч. и проч. словомъ, небывалые Туземцы такъ заслушались гостей своихъ, что съ позволенія сказать, хоть галка въ ротъ влети; а Ораторамъ то и на руку. Они отъ часу болѣе умудряются, или яснѣе, врутъ себѣ да повираютъ; благо

есть кому слушать. — Любопытство свойственное всѣмъ людямъ, не было чуждо и нашимъ Готтентотамъ. Закипѣла въ ихъ жилахъ молодецкая кровь, загорѣлись рѣтивы сердца. За нѣсколько предъ симъ первостатейные, но малоимущіе знатоки вкуса, думаю, не столько заботились о екипажѣ и убранствѣ, что бы блеснуть первое Маія за Калинкинымъ; не такъ, говорю, невидаль, зажившій корову, жаждетъ травы на будущее лѣто: какъ добрыхъ нашихъ молодцовъ одолѣло, взяло нетерпѣніе повидать золоты верхи Москвы бѣлокаменной. „Акъ „жо быць ребяци — надобець повид„цець ентакова бисера, гутарили они „межъ собою; станемцѣ ко гадаць, „акъ бы намкось сдѣлацьса, да не „даць промаху.„ Горою пѣхтурою прогуляться? Нѣтъ — ето не дѣло. На коняхъ верхомъ прокататься? И ето что за выдумка? — Ѣхать съ

какими нибудь продуктами, или съ избытками своихъ издѣлій, продать излишнее, и на вырученныя деньги закупить кое что нужное, а между тѣмъ себя показать, другихъ посмотрѣть, и съ Богомъ домой воротиться? Такая мысль не пришла имъ въ голову; да правду сказать, она имъ и ненужна была. Ибо Московская щелкоперая Щука, (*) (сказывала пращуру, бабушкиному дѣду прапращуру, одна лѣтъ въ сотеньку съ походцомъ молодица) такъ старалась о чистотѣ, благоустройствѣ и славѣ Пошехонья, что чрезъ мѣсяцъ ея воеводствованія по всѣмъ обывательскимъ клѣтямъ, житницамъ, хлѣвамъ и подъизбицамъ, все стало такъ гладко, такъ вычищено, прибрано, словно ладонь на прикащичьемъ гумнѣ, хоть яицомъ по-

(*) О сей Щукѣ, желающій можетъ прочитать въ *пересмѣшникѣ* часть 5 стр. 211. А намъ описывать ее, нѣтъ слѣду.

кати. Развѣ уже кто по чрезвычайной лѣности не выносилъ всего сору изъ дому, а пряталъ его гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Чего другаго, а неряхъ пожалуй сыщешъ вдоволь во всѣ времена и вѣки. Однако же надобно сказать и то, что такихъ неопрятницъ при попечительной Щукѣ было очень немного.

Но о Щукѣ и неряхахъ на сей разъ довольно, коли не съ залишкомъ. „Какъ растадца съ родцимыми, какъ „пустидца въ даль дальную, на чужу „незнаму старонушку, безъ провод„ника, безъ вожатаго, разсуждали „Новопросвѣщенные Московскими „выходцами любомудрцы, съѣхав„шись налегкѣ парами къ старости„нымъ воротамъ; идциць такъ ид„циць ушъ всѣмъ, молвилъ самъ, „а нейдциць такъ нейдциць никому, „сцобъ никому не было завидко.„ Разумную сію сентенцію не могло не одобрить разумное собраніе, под-

твердятъ ее, только все какъ будто изъ подпалки. Ибо уже глубоко забрала добрыхъ молодцовъ охота молодецкая. Но на хотѣнье бываетъ и терпѣнье: и хочется и колется, и набольшой не велитъ. Думаютъ, умудряются отъ бѣлой зари вплоть до сумерковъ; вмѣстилища разума трещатъ отъ напряженія въ нихъ содержимаго; но ничто не пособляетъ. И такъ, подъ исходъ отлагаютъ они опредѣлительное и конечное сего дѣла рѣшеніе до завтрея: утро вечера мудренѣе, говорилъ имъ бывалый и въ кольѣ и въ мяльѣ Угаръ — уже начали было совѣтники наши пошаркивать ногами, наровя каждой, какъ бы ближе ко своимъ могучимъ штямъ; какъ вдругъ проглядываетъ красно солнышко, высовывается изъ окна теща старостина *Филатьевна*, Лада и прорицалище Пошехонское, и возговоритъ имъ словеса слѣдую-

щія: „Охъ вы гой есте милые мои „дѣтушки! по пустому вы по напра„сному ломаете себѣ крѣпкія голо„вушки. Вы спросились бы прежде „пожилыхъ людей — вы послухайте „моево совѣту бабьева — вы взой„дитеко на гой, гой, гой, ударяютъ „гдѣ въ бирюль, люль, люль, утѣ„шаютъ что Царя въ Москвѣ, Ко„роля въ Люшвѣ, старца въ кельѣ, „младенца въ люлѣ. Вы увидите „какъ платичку на латочкѣ, Москву „матушку золотны верхи.„ Сказавъ сіе, пропала Ѳилатьевна, какъ молнія, слуховое окно хлопнуло. Загадочка сія бросилась въ носъ всему собранію, не исключая и самаго старосты. Но Ѳилатьевна для мила дружка зятюшка, недолго мучила отгадкою, развязала пуплявую свою загадочку, которой, такъ сказать, вся сила замыкалась въ томъ, чтобы они смотрѣть Москвы шли на колокольну. Получивъ толь радостное

изъясненіе, соколы наши ясные, разлетаются по своимъ нырищамъ, держа всякъ крѣпко накрѣпко въ своей памяти, какъ бы наутріе неопоздать предъ своей братьею. — И лишь только начала показываться провозвѣстница дня, сбѣгаются отовсюду къ колокольнѣ, словно на бѣгу ударившіеся объ закладъ, въ запуски. Тѣснятся, толкаются какъ сумасшедшіе, давятъ другъ друга, лѣзутъ, приступаютъ; всякому хочется занять мѣстечко для себя получше и покомоднѣе, дабы насытить лютое свое желаніе. Но то удивительно, что изъ такого множества, не одинъ человѣкъ не догадался забѣжать къ Церковному спаростѣ за ключами, или позвать его самаго, чтобы онъ отперъ имъ двери — прибѣжали, говорю, стоятъ, давятся, нажимаютъ, покрякиваютъ, но отойти отъ дверей никто не хочетъ; всякъ боится, чтобы

не прозѣвать захваченнаго своего мѣста. Наконецъ кое какъ ключи достали; но до замка нѣтъ дотору. — Уже и замокъ отпертъ — да двери не отворяются; ибо ихъ только что припираютъ — ходоки наши, отъ сильнаго запору или задору, бьются съ часъ времени и болѣе, но все на одномъ мѣстѣ. Подъ конецъ, входъ на колокольну открылся; ибо они силою своею дверь спугнули съ крючьевъ такъ, какъ птичку съ гнѣзда. И тогда то колокольня, яко очарованіемъ нѣкіимъ, въ одинъ мигъ наполнилась нещетнымъ множествомъ Астромоновъ. Иные изъ нихъ на полночь, другіе на полдень, третьи на востокъ, четвертые на западъ, и въ верхъ на небо, и въ низъ на земь, пялятъ съ просонья свои глаза; но далѣе предѣловъ зрѣнія ничего не видятъ; только что небо сошлось съ лѣсомъ, но сіе имъ было не въ диковинку; ибо ето они видали и

прежъ сего. Чтожъ дѣлать? Ентакая бѣда, парень! Не ужели Ѳилатьевна станетъ обманывать, да и ковожъ еще? Старосту, своего зятя любимаго. Нѣтъ, етому нельзя статься. Шутить съ цѣлымъ міромъ неловко; у ево, знаешъ, какая шея— такъ развѣ она сама какъ нибудь ошиблась въ умозрѣніи. Пусть будетъ такъ— по крайней мѣрѣ она подала хорошую замашку. Въ таковыхъ прореченіяхъ ненадобно крѣпко къ словамъ привязываться, но иногда должно подразумѣвать и другое. Но лихо найти бы кончикъ, а до клубочка добраться ужъ можно. „Со „звонарничи невидко Москвы умст„вовали Ѳилатьевнисты, для радци „тово, сицо іона неболь высока, „акъ бы іона была есцо повыше, „топъ золотныя маковичи у насъ „не увернулись. И взабыль ребяци, „подхватилъ хватъ бывшій тогда „съ перелому отъ воеводскаго уго-

„щенія на костыляхъ; а знайцѣ ли „ребяци — въ бору — на высокушѣ „есь такія лѣсины, ажно ужасно „на нихъ поглядзѣць — ета звонар- „нича, (показуя на колокольну) имъ „и въ дцѣтіоныши негодзитця.„ При сей остроумной его догадкѣ, вдругъ всѣ ур-а-а ур-а-а — воскликнули отъ радости почитай такъ, какъ поютъ черные лебеди, когда видятъ мучимаго на улицѣ ребятишками птенца своего. Теперь много и долго думать нечево. Хватъ намѣкнулъ, а тутъ ужъ и смѣкнули. Сговариваться нечево; не надобно ходить по домамъ и собирать подписки; всѣ охотники и всѣ готовы; не кличь кликать, всѣ въ сборѣ — забѣжали за топорами, да благословясь нука улизывать на реченную высокушу въ запуски, одинъ другаго опередить стараясь. Долго ли, коротко ли такою выступью они шли, только пришли. Скоро то

скаска сказывается, да не скоро дѣло дѣлается — разгуливаютъ по высокушѣ, словно гончія, языкъ высуня, и куда одинъ, туда и всѣ за нимъ. Наконецъ, выбираютъ они лѣсину самую высокую, елину стогодовалую, кудревастую. — Не такъ легко и проворно, лакомые до меду муравейники и боровики, взлѣзаютъ на борть, какъ наши Мишиньки да Михайловичи помахиваютъ на новообрѣтенную свою обсерваторію. Уже двадесять или тридесять мужей пщаливѣйшихъ и любопытнѣйшихъ, яко легкія сціуры, (векши) уцѣпившись за сучья, сидятъ на лѣсинѣ, подобно сычамъ во всѣ стороны поглядывая. Верхолазъ на самой макушкѣ, будто соловей на яблонной вѣточкѣ, качается, только что не воспѣваетъ сладкихъ пѣсенокъ; онъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ, кто говоритъ, отъ радости, что на етакую красу забрался, а другіе,

сирѣчь, кои по проще, думаютъ, отъ страху, что не зналъ какъ добраться не сломя шеи до сырой земли. Но ето примѣчаніе не важно. „Шцо „вишъ, вопрошаютъ его задніе? „Низги ребяци невидко, oприцъ кон„ча свѣту, отвѣчаетъ онъ дрожа„щимъ и прерывающимся голосомъ.„ Верхолазу повѣрить нетрудно; ибо и другіе небольше его видятъ. „Сцо „дзѣлать? — Ето всіо суцьio про„вальноio мѣшаець, а то акъ бы не„видзѣць съ енпакой высоты? раз„суждали они, вишъ какая изъ за„нихъ пцѣмень, словно въ подъиз„бичѣ. Обрубимцяко суцьio поплот„нѣе, такъ аось станець повидчѣе.„ Разсуждено, обдумано, сказано, сдѣлано. Да такъ и должно: Diu delibera, fac cito, (*) есть старинное мнѣніе — Вдругъ всѣ за топоры, сучья валятся, щепы летятъ, стукъ раздается. Что твоя кузнешная музыка? Жаль,

(*) Долго разсуждай, а скоро дѣлай.

что на етотъ разъ какого нибудь Пиѳагора не было. А для глазъ какое открылось сокровище! всего наглядѣлись и насмотрѣлись — но Верхолазъ первѣе всѣхъ натѣшилъ свою душиньку: уже онъ по проворству своему успѣлъ спрыгнуть на земь, и такъ разбахвалился, что какъ будто мышъ на крупу надулся. Ибо не только глядѣть иль баять, да и дышать ужъ нижнимъ воздухомъ не хочетъ. — „Ендакая спесь напала „на Агафоныця; акъ повидзѣлъ Мо„скву, кричали съ досады между „собою тѣ, коимъ не удалось взлѣсть „на ель: ужъ на насова брата и взгля„нудць не поволитъ; а ось ребяци „будзѣ и на насой уличѣ праздникъ.„ Бохвалъ, удальствомъ вторая особа по Агафонычѣ, подрубившій сучья, за кои Верхолазъ держался, слетѣлъ за нимъ второй; но и етотъ не меньше предводителя набрался Московской спеси; и потому былъ его

не привѣтливѣе. За сими главными балансіорами соскакивали и другіе, по одному, по двое, и по трое вдругъ, кто лбомъ, кто запылкомъ, иной плашмя, другой навзничь, кто на камень, кто на пенье, иной на лежащую братію, кому какъ случилось, или вздумалось. И хотя въ каждомъ изъ нихъ, до послѣдняго Фалалеича, примѣтно было со стороны чванство и жеманство, только въ разныхъ степеняхъ, судя по степени возвышенія. — Бездѣлица вотъ кажется, а какъ можетъ испортить человѣка. Болѣе двухъ десятковъ удальцовъ, слазившихъ на ель, такъ загордились, что не захотѣли и домой пѣшкомъ итти; а другіе и со всемъ не глядѣли на свою братью: неси ихъ на рукахъ, иль вези на коняхъ; изволь съ ними пестоваться, какъ хочешъ, а сами итти не изволятъ, ужъ будто и Богъ вѣсть, какъ устали да уломались; а тово

не воображаютъ себѣ, что было бы еще кому съ ними возиться. (Здѣсь оканчивается *второй лодвигъ.*)

ПОСЫЛКА ТРЕТЬЯ.

Не даромъ пословица говоритъ: первой блинъ всегда комомъ. Истинну сего изреченія ясно видѣть можно на воспѣваемыхъ мною Витязяхъ. Они съ Ѳилатьевными гоями, люлями и билюлями поступили точно такъ, какъ добрые домоводы поступаютъ съ первыми телятами. И должно къ похвалѣ ихъ признаться, что сей поступокъ ихъ доказываетъ особливую дѣятельность и проницаніе ума ихъ. Ибо держаться упорно одного мнѣнія, не почитается знакомъ разумнаго человѣка. Такъ — самая острая замашка Хватова, послѣдствіемъ своимъ показалась для нихъ не такъ то замашиста. Число послѣдователей тол-

ку его, сперва толь горячо отъ всѣхъ прiятому о высокутѣ, отъ часу становится менѣе; разномыслящiя стороны раждаютъ всеобщее къ нему недовѣрiе. Ропотъ и неудовольствiе возобладали всѣхъ сердцами. Словомъ, они не довольны ни елиною, ни всею высокутею. Первая по наученiю добренькихъ старушекъ, срублена уже подъ самой корешокъ, какъ ивушка боярами ѣхавшими изъ Новагорода; да и послѣдней красоваться остается недолго. Будущею весною положено ее всю огнемъ выпалить, что бы она впредь не соблажняла. Чтожъ осталось начать удалымъ добрымъ молодцамъ? — Однако пожалуйте не отчаявайтесь; я вить сказалъ, что они на выдумки собаку съѣли. Да полно на что имъ вновь ломать головы? У ихъ, братъ, и старыхъ выдумокъ на свой вѣкъ будетъ полно. Тото — ой не плюй въ колодезь, авось

приведется когда водицы испить. Какъ сперва предлагали имъ, что бы они изъ отечества своего не облѣнились крянуться въ Москву своими особами, то они и слышать сего не хотѣли; какъ необъѣзженые кони со всемъ подъ ладъ не давались, а теперь когда пришло въ тупикъ, что нѣкуда ступить, то всѣ до послѣдней души рады, хоть босикомъ промяться для обозрѣнія красотъ Московскихъ; а другіе говорятъ, будто для прокормленія себя работою съ плакатными, коли тогда были. За достовѣрное я не утверждаю ни того, ни другаго, хотя первое кажется и вѣроятнѣе. Въ прочемъ, какъ бы то ни было; они выступили небольшою ватажкою, состоящею ровно изъ сорока паръ, только подобравшись все молодецъ къ молодцу, одинъ другова лучше да краше, для запасу вѣдашъ, что бы какова пора ни время, было кому

постоять. — Браво, ребята, съ Богомъ! щастливой вамъ путь! — Только вотъ что не ловко, что они пошли не тою дорогою, то есть, что бы итти прямо по носу, они пустились по нему же, но переворотившись. Однако ето еще бѣда не сама пуща: языкъ до Кіева доведетъ. Довольно, что они скоро собрались. Имъ ненадобно было для дороги тово, сево, другова, protчева, пятова, десятова, какъ нынѣ есть обычай. Прицѣпили за плеча по берещеному кошельку, въ руки для куражу взяли по вязовой тросточкѣ съ железными наконешничками, что за медвѣдями ходятъ. Присѣли на лавки, Богу помолились, съ домашними плаксами простились, и въ дороженьку такъ быстро пустились, какъ будто съ цѣпи сорвались. Толикимъ одержимы они были желаніемъ и нетерпѣливостію! говорится же, что охота пуще неволи. —

Ну-у! вотъ тебѣ на! что я съ расказами своими настряпалъ! — вить я странствователей своихъ упустилъ изъ виду вонъ — постойте пожалуйте г. читатель и слушатель! дайте мнѣ ихъ нагнать, а то они етакъ пожалуй и со всемъ пропадутъ у насъ — вонъ тамъ въ дали что то темнѣется! не они ли ясные мои соколы? По головному убору кажется они — такъ — они — летятъ какъ на парусахъ, благо есть повѣтерь — имъ нужды нѣтъ, что не по тому румбу рубятъ. Ну — Слава Богу! я ихъ почти нагналъ, слышу — ето ихъ рѣчь важная и громкая — вижу — ихъ выступка молодецкая, осанка журавлиная — они — точно они. Сердце у меня перестало биться. Теперь, пожалуй теките въ путь Исполиновъ пасыны Улиссовы; не робѣйте, что васъ не руководствуетъ Минерва въ видѣ того Мантора, которой называет-

ся свой Царь въ головѣ. Если бы етотъ вожатой всегда былъ съ вами, то бы вы не были мои, и читателей вашихъ Ирои.

Пока я давичь калякалъ на одномъ мѣстѣ; а они съ горяча алтынъ на сороковину отмахнули впередъ показаннымъ выше сего трактомъ. Въ первой день ничего достопамятнаго съ ними не приключилось. Однако коли ужъ разсказывать, такъ не надобно таить ничево. Завтракомъ укрѣплялись въ путь по своимъ домамъ; гдѣ обѣдали, я прозѣвалъ съ разказами, полдничали свѣжую уху съ домашними бискюитами, а вечеряли въ гостинницѣ по тогдашнему, а по нынѣшнему на постояломъ дворѣ, или въ харчевнѣ. Къ счастію ихъ хозяинъ попался человѣкъ доброй и ласковой; захожихъ людей напоилъ, накормилъ, чемъ Богъ благословилъ, постелю разослалъ и спать уклалъ — но етихъ ночлежничковъ,

не бось не проведешъ, и алтыннаго за грошъ не выторгуешъ. Это ребята, что называется, сами себѣ на умѣ — они наслышались еще дома, что по большимъ дорогамъ вообще, а особливо на ночлегахъ, часто случается воровство и душегубство. И потому, не со всемъ довѣряясь Господину дома, изъ предосторожности расположились лечь спать такъ, чтобы и ноги были вмѣстѣ и головы вмѣстѣ, то есть, на полу вѣповалку кружкомъ; кошельки свои вмѣсто изголовья положили себѣ подъ головы, трости подъ пазаху, фраками одѣлись, а обувь срыли всю въ ноги — и такъ тутъ взять нечево; хошъ бы кто приди: все такъ поддѣлано, подстроено: что нельзя безъ опасности дотронуться до нихъ волосомъ — не множко — такъ тотчасъ всѣ вскочатъ. Еще чудо, что они, какъ журавли, не заставили во время сна для безо-

пасности своей одного изъ ватаги танцовать на одной ножкѣ—легли—покалякали, поболтали, отъ усталости заснули. Хозяинъ, какъ водится, легъ спать послѣдній, а всталъ первой. Наутріе по обыкновенію, будитъ онъ своихъ ночлежниковъ, и съ добрымъ утромъ привѣтствуетъ. Лучина въ свѣтцѣ пылаетъ — дорожные наши потянулись, но кое какъ встали, все свое добро нашли цѣло, только ноги во снѣ какъ будто растеряли. Ибо они такъ ими перемѣшались, что какъ дошло до обуванья, то всякъ на мѣсто своихъ, обувалъ ноги другаго. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ ты ихъ расберешъ въ етакомъ множествѣ? Однихъ головъ сорокъ паръ, а ногамъ та ужъ и смѣты нѣтъ. Сидятъ на полу, какъ куры на насѣсти, побахориваютъ, хлопочутъ, бранятся, кричатъ другъ на друга, а на прямой ладъ никто

не попадетъ; хоть не вставать, а ногъ самимъ не сыскать. Дома у всякаго были однѣ свои, а тутъ и чужія замѣшались. Гостепріимецъ, мужикъ съ природы веселой, сперва долго любовался симъ зрѣлищемъ; но какъ дѣйствіе было безъ развяски, то оно ему подъ конецъ нѣсколько понаскучило. Почему изъ добродушія своего онъ взялся самъ развязать представляемую въ домѣ его арлекинову піесу, и предложилъ гостямъ: „что вы, рабята, мнѣ да-„дите? я въ мигъ покажу каждому „изъ васъ свои ноги. — Охъ ты „кормилечь нашъ, азми сцо хошъ, „только насъ радзи Бога помилуй.„ Ибо они воображали въ себѣ, что все это дѣлается можетъ быть не съ проста, и что тутъ есть какое нибудь дьявольское навожденіе. „Утъ не ціомная ли вода на насъ „напущена, перешептывались они?„ Хозяинъ былъ мужикъ простой,

не догадливой, и сверхъ того не корыстолюбивой, гости же его, хотя граждане и съ расчотомъ, однако и съ денежками. И потому сговорились скоро, а имянно, съ каждыхъ двухъ паръ ногъ по осьми съ копѣйкой. Условившись такимъ образомъ домоначальникъ вышелъ на дворъ, и немного погодя возвратился опять въ избу, держа въ рукахъ одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ прутиковъ, между коими лошадей въ деревенскомъ быту впрягаютъ, обошелъ ихъ три раза вокругъ, очертилъ, зачуралъ, и велѣлъ всѣмъ лечь по прежнему, Когда ночлежники его прикурнули, то онъ, для отвращенія колдовства, сперва окатилъ ихъ съ песта ушатомъ, а потомъ волшебнымъ своимъ прутикомъ со всего плеча началъ по ногамъ ихъ такъ постегивать, что визгъ пошолъ, словно свиней принимаютъ — по словамъ хозяина потеря нашлась дѣйствительно въ

мигъ. Всякому свои ноги показались ближе къ колѣнкамъ, слѣдовательно къ рукамъ и глазамъ: одно чувство помогаетъ другому; какъ то здѣсь осязаніе зрѣнію. Видно, тутъ нашла коса на камень. Сіе я говорю о обвороженіи и о хозяинѣ, которой умѣлъ отворотить оное. Радостные ночлежниковъ вопли: ой-ой-ухъ-у-аа-ей-й! всполохали всю деревню. Сосѣды сбѣжались на крикъ; но выслушавъ дѣло отъ могучаго хозяина, не могли удержаться отъ междуметій ха! ха! хи! хи! такъ, что чуть не надорвали своихъ животиковъ. Такой веселой былъ конецъ сей драммы! — въ честь же не простаго сего хозяина, да будетъ мнѣ позволено сказать еще и то, что хотя бы у гостей его было по стольку ногъ, сколько у полиповъ, или сколько на головѣ волосковъ, то и тогда бы онъ скоро перещиталъ ихъ жезлецомъ своимъ. Такъ ясно

и ощутительно разрѣшилъ онъ сіе затрудненіе. Словомъ, піеса разъиграна весьма удачно; всѣ обулись, оболоклись; только какъ дошло дѣло до восьми съ копѣйкой, то опять вышли было нѣкоторыя хлопотишки въ разсужденіи расчоту; но добродушной хозяинъ и въ семъ случаѣ не оставилъ ихъ своимъ вспоможеніемъ. Денежки отщитаны серебрецомъ; и гости какъ послѣ доброй бани, наломившись холоднаго квасу, изъ избы на дворъ, со двора на улицу гусемъ, только выступая по утиному; то есть: приковыливая и припадая, кто на правую, другой на лѣвую, а нѣкоторые и на обѣ лапки. Ворчатъ, серчаютъ, бранятъ хозяина, проклинаютъ домъ его въ таръ тарары; хотя по настоящему надлежало имъ всю вину взворотить на себя самихъ, или еще лучше на свою гл. . . . . боюсь вымолвить, что бы не вступились за

покойныхъ нашихъ родственники — однако ладно ребята! ето еще не великое зло. Въ дорогѣ мало ли чево бываетъ: на все не усердишся. Что мучитъ, для переду учитъ, говоритъ пословица; только я незнаю, пригодна ли она для васъ. Вижъ вы какіе, прости Господи! Ужъ сълишкомъ некъ стати умничаете! на васъ никакъ угодить нельзя — добро, ступайте ко съ Богомъ далѣе, а мы отъ васъ какъ отъ дяди, не отстанемъ ни пяди.

Посылка четвертая.

И такъ — идутъ наши добры молодцы путемъ дороженькой, куда глаза глядятъ — пустимся и мы, любезный читатель, за ними. Недалеко отъ дороги, шагахъ етакъ во стѣ, видятъ они такой большой камень, какъ хоромину; стопы ихъ останавливаются при семъ видѣ-

нiи, чудятся громадѣ, и любопытство подстрѣкаетъ ихъ отдать поклонъ сему прародителю булыжной породы. Солнышко тогда катилось прямо надъ ихъ головами; и путники, послѣ помянутаго чаю, еще ничего не вкушали; развѣ кто идучи сзабалъ пястку другую толоконца, или сжустерилъ нѣсколько сухариковъ; но ето не въ чотъ. И такъ они расположились у камня перехватить въ путную; усаживаются при подошвѣ его въ кружокъ. Обѣдъ у всякаго свой за плечами; похлѣбка прилучилась некупленая. Дѣло со всемъ въ шляпѣ; развязываютъ свои котомы, и лишъ только было за кусъ, что зовется разбойникъ, какъ вдругъ предстаетъ имъ чудище, недомовое, (сего они можетъ быть не такъ бы исполохались) а лѣсовое, или по просту лѣшiй. Въ лѣсу казался онъ наровнѣ съ лѣсомъ, на полянкѣ равенъ съ травою, такъ

что они его прежде и примѣтить не могли, а съ людьми, то есть, подошедъ къ нимъ, какъ словно человѣкъ. Етакаго лукаваго оборотня нанесло! прошу не погнѣваться; у страха глаза велики и дальновидны — одежа и шапка на немъ была, какъ луково перье, зеленымъ зеленешенька; опояска чорная широкая, ну самая чертовская, съ побрякушками да съ громотушками, утыкана вся чемъ то какъ гвозьемъ; а въ рукахъ такая, такая палцына; что какъ повернетъ ее и приложитъ къ глазу, то изъ нее, словно изъ какой пропасти, вдругъ огонь и дымъ выскокнутъ съ такимъ страшнымъ громомъ, что можно оглохнуть человѣку, а бѣдныя птахи отъ одного духу замертво такъ и валятся на земь. Ето все они видѣли сами, своими глазами — Между тѣмъ лѣшій все къ нимъ ближе, да ближе. „Ахци! Ребяци, куды намъ дцѣвадца

„згибли мы, пропадціомъ всѣ не за „дценешку; съѣстъ, переѣстъ насъ „всѣхъ и съ косками.— Охъ провалъ „бы цѣ побралъ окояннова! — про- „вались сквозь сыру землю — аминь, „аминь, разсыпся.„ Но не тото было; чудовище ни проваливается, ни разсыпается; а прямо на нихъ такъ и ломитъ. Ну! пришолъ по- послѣдній конецъ! Странствующіе рыцари стоятъ какъ приговоренные къ висилицѣ, не смѣютъ поворох- нуться, устремивъ глаза свои всѣ къ одной точкѣ зрѣнія: Такъ овцы глядятъ на волка, приближающагося къ ихъ стаду; волосы у всей нашей чесной компаніи, какъ доброй и не- объѣзженой конь, вспрыгнули ды- бомъ, шапки сами собою, коя на бекрень, коя на земь; руки спали какъ не свои, онѣмели — ноги слов- но ходули, или на конькахъ; под- жилки готовятся будто горюна махнуть — подергиванія во всѣхъ

частяхъ тѣла — души хотятъ прежде времени изъ утробы выскочить — за кожей подираетъ — въ глазахъ темнѣется — словомъ, какъ будто столбнякъ нашолъ — етакой пріятной предсталъ предметецъ! Но чтожъ послѣ открылось? — Вмѣсто лѣшаго приняли они стрѣлка изъ той деревни, гдѣ ночевали, или по нашему егеря, только не такого, какихъ бывало у насъ ставливали на запятки, въ шитьѣ, да позументахъ съ перьями. Тотъ былъ одѣтъ попросту, какъ ходятъ на егерскомъ дворѣ, ходилъ по лѣсу, и стрѣлялъ, что попадется. Ну! да кабы еще догадало его хорошенько пошутить, тобы онъ съ етою дичью, не плоше болотныхъ куликовъ, съигралъ изрядную комедію! Однако благодаря Бога, онъ такъ просто и ласково обошелся съ побѣдными нашими птахами, что они по остротѣ своей съ двухъ словъ признали его

за подобнаго себѣ, и помалу начали пооперяться. Куда подумаешъ дѣвался давишній съ большими глазами? — И такъ слово за словомъ, рѣчь за рѣчью, пошли дружескія раздабары. Уже лѣшій и проидоши наши обходятся между собою за панибрата, безъ чиновъ, какъ будто вѣкъ вмѣстѣ жили: вотъ что дѣлаетъ знаніе свѣтскаго обхожденія! — Можетъ быть деревенской егерь ласковостію своею и наружною простотою, то есть, подъѣхавши лисой патракѣевной, думалъ у роскошествующихъ на зелени что нибудь выиграть въ пользу своего желудка; и если это такъ, то онъ больно ошибся? кромѣ кроюхи хлѣба и сухарей поживиться тутъ было не чемъ; а прогонять крохи и безъ ихъ милости ни кому незапрещено. Но что намъ до этого, какъ дѣло происходило, такъ пусть и будетъ. Стрѣлокъ по прозьбѣ сихъ

новыхъ своихъ друзей, показалъ имъ дѣйствіе своего ружья и силу пороха; предъ глазами ихъ зарядилъ, выпалилъ, и къ смертельному всѣхъ удивленію, застрѣлилъ летѣвшую мимо, сороку бѣлобоку. „Тото дциковинка, ну парень, ну рабенокъ, „ну Ванюха, ну Мишуха, перешептывались они межъ собою.„ Пристали, да привязались, какъ смола къ егерю; одно продай, да продай имъ ружье. Стрѣлокъ на неотступную ихъ прозьбу соглашается, только меньше десяти рублей за ружье свое взять нехочетъ. „И— „кормилечь!—Ето больно чѣнно— „нельзяли по меньше; азмико съ бра- „та по круглецку (по серебреному рублю) а—ы—полно— слышъ оз- „ми— давакося руку— ну сцо ли— „такъ?—„ Стрѣлокъ былъ человѣкъ сговорчивой,окинулъ купцовъсвоихъ глазами, смѣкнулъ про себя, и хоть мало дѣло спохватился, да ужъ,

думалъ, поздо, такъ и быть: и такъ вмѣсто одного десятка безъ дальней прозьбы взялъ восемь по числу нашихъ пушешествователей. Но какъ у него пороху и дроби оставалось вмалѣ, то онъ научивъ ихъ, какъ съ показаннымъ екструментомъ обходиться, подружески совѣтовалъ имъ, поберегать оныя для необходимаго случая. Торгъ и щотъ конченъ. Простились, раскланялись. Тотъ пошелъ своей дорогою, а наши своей, радуясь отъ всего сердца, что простака какъ рыбку на уду поддѣли, и за толь бездѣльную цѣну, выманили такую вещь дорогую; и въ странствованіи своемъ какъ отъ человѣка лихова, такъ и отъ звѣря лютаго, для спасенія себя необходимую. Ибо стрѣлокъ не забылъ растолковать имъ всѣхъ случаевъ употребленія ружья въ свою пользу. А что бы они съ лишкомъ не беспокоились, что пороху и

дроби у ихъ немного (хотя они въ радостяхъ и за суетами объ етомъ и не думали) онъ открылъ имъ за тайну, что эти вещи сѣяніемъ можно развести, сколько угодно, и даже показалъ имъ, какимъ образомъ засѣвать оныя должно. Онъ увѣрилъ ихъ, что порохъ ростетъ слово въ слово полевой макъ, а дробь какъ мышачій горохъ, присовокупляя, что давъ хорошенько созрѣть симъ сѣменамъ, стоитъ только ихъ высушить, сколько можно суше, то есть: такъ какъ они теперь видятъ, а то уже оныя силу и дѣйствіе свое сами покажутъ. Истинное простосердечіе всему вѣритъ благодушно: „Ето непокупка, а на„ходка; кладъ Богъ послалъ намъ, „разгутаривали они между собою „идучи по дорогѣ „ Идутъ, но нейдется. Какъ бѣсъ за полы подергиваетъ: хочется попробовать; хоть бы разикъ, да самимъ выстрѣлить.

Нужды нѣтъ, что пороху и дроби мало — ужо они пришедъ домой нетокмя што огороды, да цѣлыя поля ими засѣютъ. Тото будетъ славно; только пострѣливай, да попаливай. И такъ останавливаются они середи дороги; давай — подавай — ну съ ружьемъ няньчиться да пестаться, пороху и дроби въ дуло всыпали всякой по щепоткѣ, приговаривая: „и моя копѣицка несщербата;„ Пыжъ прибили общею силою о лѣсину, пороху положили на полку по свойски, курокъ взвели, какъ рядъ дѣлу, только приложиться, взвести собацьку, такъ и весь опытъ на сторону. Но постойте — они еще невыпалили; думаютъ, какъ бы зарядъ не пропалъ; хочется побольше сберечь на сѣмена. Трое держатъ ружье — матка ватаги наводитъ глазъ, прочіе разставивъ пригоршни становятся противъ дула, дабы не проронить ни одного зернышка;

Остальнымъ же, какъ не столь ловкимъ и проворнымъ, велѣно стоять поодаль, и не въ свое дѣло не соваться. Уже данъ знакъ къ выстрѣлу. Громъ и молнія послѣдовали въ одинъ мигъ, такъ что сами стрѣлки того не примѣтили. Человѣкъ полдесятку изъ авангардіи дробь нашпиковала глаза и просадила столицы разума. Семеро явилось со сквозными руками, четверо безъ языка, а безъ царапины изъ дѣйствующихъ лицъ ни одного не осталось. У самой матки, какъ то ненарокомъ поотшибло плечо; бровей у ней какъ не бывало, а усы и борода завились, словно были припечены въ бумашки; лицо подернуло густою синевою; изъ подбородка торчитъ заноза безмала не въ поларшина. Словомъ, еслибы не пронзительной ея голосъ, то дѣткамъ, коимъ было не до другихъ, во все не узнать бы ея. Ружье отъ толь

искуснаго и соразмѣрнаго заряду разорвало въ дребезги; только денежки даромъ заплачены. Уцѣлелъ одинъ железной стволъ, да и тотъ отлетѣлъ шаговъ на двацать въ сторону. Но проидоши и тамъ нашли его и не бросили, а сказываютъ, догадало ихъ употреблять его въ случаѣ жажды, вмѣсто ливера. Вить умудритъ же Господь человѣка! Тото выдумщики, проказники покойники, не тѣмъ будь помянуты; и синему пороху не дадутъ пропасть даромъ: все какъ то умѣютъ обратить себѣ въ пользу и удовольствіе. Однако они теперь прохлажаются еще на дорогѣ; правда иные пооттползли съ оной къ сторонкѣ; другіе бродятъ, какъ лунатики: но всѣ для компаніи думаютъ ночевать на мѣстѣ своихъ подвиговъ и славы, а можетъ быть и еще день другой тутъ проваляются. Мѣсто толь славнаго под-

вига имъ хочется ознаменовать какимъ нибудь трофеемъ, да и дѣльно. Убіенныхъ оружіемъ безъ брани надобно похоронить, а между тѣмъ и самимъ нѣсколько поотдохнуть и поотправиться; а съѣстнова своего у нихъ станетъ еще на долго, коли только что пойдетъ имъ въ горло послѣ такой передряги.

Посылка пятая.

Когда искусившіеся такимъ образомъ въ стрѣляніи наши егери отдавъ послѣдній долгъ своимъ сопутникамъ нѣсколько поотправились; то не укоснили продолжать предпріятаго своего странствованія. — Наконецъ приходятъ они къ одной рѣчкѣ — время было обѣденное; сіе я говорю по тому, что въ кишкахъ у ихъ проголодавшіяся собаки подымали лай съ ужаснымъ ворчаньемъ

и воемъ. Усталость, предѣлъ сухаго пути, доброй позывъ къ пищѣ, пріятность мѣстоположенія, прохлада воздуха, красота окрестныхъ видовъ, чистая и студеная вода, все склоняло путниковъ къ отдохновенію — и такъ садятся они на крутенькомъ бережечкѣ, на жолтенькомъ на песочкѣ; и коль скоро усѣлись или возлегли, то прежде всего руками своими цапъ царапъ за съѣстные магазины.— Здѣсь должно замѣтить, что по сіе время каждой изъ нихъ держалъ свой столъ особливой; но тутъ сложившись они въ складчину хотятъ уготовать общую трапезу, и помянуть хорошенько усопшую свою братію. У нашихъ всегда такъ; ужъ коли вздумаютъ заварить кашу, то непожалѣютъ масла. Распетливаютъ кошели; всякъ изъ своего вынимаетъ добрую горсть толокна и соразмѣрную щепоть соли. — Но какъ столовой и поваренной посу-

суды у нихъ на етотъ разъ не случилось съ собою, то и разсудили они наболтать и намѣсить толокна въ рѣкѣ. (*) И какъ же ихъ угораздило? — Нарубили, или наломали, ето все равно, сучья и прутнягу, комли очистили, концы обвострили, и зашедъ по поясъ въ воду, обгородили ими столько мѣста, сколько для болтушки и мѣшонки имъ было надобно. И должно признаться, что ета выдумка будетъ поглаже всѣхъ плотинъ бобровыхъ. — Соли положили, толокна всыпали, маслица подпустили; только замѣси, да и въ ротъ понеси. Да вотъ что плохо? Они не догадались, что частоколъ ихъ, или лучше толоконной садокъ, былъ съ лишкомъ неплотенъ, и что вода не стояла на одномъ мѣстѣ.

(*) Что Ирои мои мѣшаютъ толокно не въ пролуби, а въ открытой рѣкѣ, Читатель да благоволитъ меня въ семъ извинить; ибо Ирои мои не зимою, а лѣтомъ совершаютъ сїе путешествїе.

мѣшаютъ, болтаютъ, и того и другаго снадобья прибавляютъ, отвѣдываютъ; но все вода водой, ни солоно, ни смачно, толокномъ и не пахнетъ. „Сцо ребяци за цудо? „Ивашко! ты плавадць то мастерюга, подзи ко братъ, говоритъ „второй по маткѣ, туды, (указывая вверхъ рѣки) дальше, да глядзи „дальше въ глыбь, вижъ тутко сь „ни цемъ цево нѣту, толокончо и „масличо нашо вѣрно сѣли гдзѣ ни„буць на дно, поглядзи, да слухай, „хорошенько глядзи, нашодцы за„мѣси, да чуръ намъ сюда принеси.„ Ивашкѣ въ незнакомомъ омутѣ купаться не хотѣлось; сталъ было нѣкаться, отговариваться, но по пустому: у насъ коли чесь не взяла, такъ раба Божія и силкой протурятъ. Да и дѣльно; ибо это дѣлается не для прихоти; но общая всѣхъ польза и нужда того требуетъ—пристрюнили Ивашку такъ,

что парень бѣдной не хотя долженъ былъ согласиться. Но чтобы етотъ вѣтреница ихъ не обманулъ, глядѣлъ больше въ низъ, а меньше зѣвалъ по верхамъ и по сторонамъ; то они связавъ двѣ или три опояски, право не упомню, вмѣстѣ, на одномъ концѣ сдѣлали глухую петлю, накинули ему на шею, а къ другому прикрѣпили для равновѣсія пуда въ два камень, взяли Ивашку на руки, взошли съ нимъ по горло въ воду, раскачали, размахали и бросили отъ себя сажени на три въ глыбь. Ивашко тотчасъ на дно, какъ каменной, только и видѣли. Глядятъ, посматриваютъ на то мѣсто, гдѣ онъ нырнулъ; но одни только бульки и пузырьки выскакиваютъ. По признакамъ симъ заключили они, что посланный ихъ, осачивъ замѣшанное сообща толокно, одинъ изволитъ его покушивать; почему и отправили къ нему такою же мане-

рою нарочнаго, звать его поскорѣе обѣдать вмѣстѣ, и сказать ему, что у нихъ уже все готово; но и сей посолъ на ногу былъ не легче Ивашки; ибо вмѣстѣ съ нимъ присѣлъ утирать мѣшоночку. — „Цай „парень, говорятъ они, изъявляя „текущею изо ртовъ слюною свой „сильной аппетитъ, у ихъ цѣперь „только за ушамъ пищицъ; а мы „хлопай еттось глазамъ: ендакіе „воры! добро — развѣ имъ невыход- „зицъ —„ между тѣмъ по образу первыхъ посылаютъ они третьяго, четвертаго, пятаго; но ни кто не возвращается. Что дѣлать? Опоясокъ остается мало; да и то всіо такая дрянь, что сами въ рукахъ рвутся, а потянуть покрѣпче и не думай; веревокъ же въ запасѣ нѣтъ; кабы все ето знато да вѣдано, такъ бы не то и было — а къ тому же и людства при разныхъ акціяхъ кое поубыло, коихъ поизу-

вѣчило, такъ что почти и возиться съ послами нѣкому. Спрашиваютъ охотника лѣсть въ воду; но тонуть нѣтъ ни одного востряка на выскачку; а все провальная петля стращаетъ. И такъ видно етому добрецу пропадать не за денежку — такъ и быть — пришло оставить посылать зватыхъ, а то пожалуй етакъ и всѣ въ омутѣ засядутъ, благо мягко — захотятъ, такъ сами безъ зову придутъ, не велики господа. И вѣстимо дѣло такъ — что понапрасну мучиться и суетиться? — Сѣли, пообѣдали, хотя и не такъ сладко и плотно, какъ было думалось; однако насытились: голодной волкъ и завертки рветъ. Въ ожиданіи же водолазовъ своихъ прилегли на травку муравку; ибо они воображали себѣ, что не бось и тѣ, пообѣдавъ тоже отдыхаютъ. Послѣ такихъ трудовъ заснулось сладко; инда слюна изо ртовъ

побила. И они проснулись уже тогда, когда другіе спать собираются; то есть, на закатѣ краснаго солнышка. — Зѣвать и мѣшкать по пустому тутъ не станутъ: семеро одново не ждутъ. Надобно какъ нибудь, пока засвѣтло пробираться за рѣку. Мосту нѣтъ, перевозу не бывало. Вотъ тутъ то надобно придумать, да пригадать. Но кому другому изобрѣтать кажется трудно, а нашимъ ребятамъ сущая бездѣля. Имъ не занимать стало разума; выдумки всегда готовы, да и еще съ придумками. Пошли въ лѣсъ, свалили добрую лѣсину, сучья подчистили, макушку кое какъ отчакрыжили, взвалили на могучія свои плечи, притащили на берегъ. Вотъ ти и все дѣло почитай въ шляпѣ. Остается только спустить да сѣсть, такъ и считай нашихъ на той сторонѣ. — Спустить лѣсину на воду, сколь бы она огромна ни была, нѣтъ ни

какой мудрости; ето пожалуй и всякой сдѣлаетъ, была бы только сила. — Уже и у нашихъ новоизобрѣтенной понтонъ скаченъ въ воду, плаваетъ по верху и не тонетъ. Да какъ ты сѣсть та на него прикажешъ? Онъ такой вертлявой, словно бѣсъ повертывается. Однако должно какъ нибудь умудряться. И что же они сдѣлали? Не опасайтесь Читатели, худаго тутъ ничего не будетъ. Они усѣвшись другъ подлѣ дружки верхами, ноги связали себѣ крѣпко накрѣпко, что бы какъ нибудь не свернуться и не пойти на дно за раками. Вишъ какая замашка замашистая! за недостаткомъ мѣста осталось по сю сторону только человѣкъ восемь или девять, и то все изъ немудреньскихъ; и сіи то останыши должны были поддерживать бревно, потомъ скрянуть его съ мѣста, отвалить отъ берегу и направить по носу

на другую сторону; однако съ такимъ уговоромъ, что бы тѣ переправившись чрезъ рѣку послали кого нибудь за ними. Вездѣ предусматриванія; нѣтъ ни чего взбалмашнаго; тото штукари! — Тишина царствуетъ окрестъ; листы на древахъ не колеблются — вода не шалохнетъ, поверхность рѣки гладка какъ зеркало. Отпихнули новомодной понтонъ отъ берегу; поплыли наши, поѣхали, безъ веселъ и правила — любо смотрѣть, какъ они сидятъ дружно — разговариваютъ не видя въ лицо другъ друга; но за то они видятъ въ водѣ еще подобныхъ себѣ водоходцовъ, только что ногами къ верху; радуются товариществу; начинаютъ любимую свою псалемку по *Волгѣ* — но какое неожидаемое приключеніе! не успѣли они саженей трехъ (разумѣется прямымъ трактомъ поперегъ рѣки; ибо внизъ ея снесло ихъ и на десятокъ) отъѣхать отъ

того мѣста, гдѣ было по горло, какъ бревно умудрило перевернуться: равновѣсіе шибко покачнулось на сторону, и вмѣсто *почтенныхъ головъ*, такъ же какъ и утоварищей ихъ, очутились на верху *презрѣнныя ноги*. (*) Оставшіеся на берегу, увидя таковый нечаянный и смѣшный кувыркъ коллегіи, помирали съ хохоту. Ибо они вообразили себѣ, что все ето строится для шутки. ,,Экъ наши цѣшатця, да прохла-,,жаютця, говорили они между со-,,бою, не бось тутъ не исполо-,,хаютця, хоша самъ дзѣдушка во-,,зяной придзи, а сцо и лапотки ,,показываю, да посушиваю:,, но имъ сердечнымъ не пришло въ голову,

(*) Ета мысль не моя, а одного изъ славнѣйшихъ нашихъ Стихотворцовъ, которой, какъ слухъ носится, случившись въ бесѣдѣ съ нѣкоторымъ своего времени славнымъ плясуномъ, весьма гордившимся талантами ногъ своихъ, ему сказалъ:
,,Танцмейстеръ! ты богатъ; Профессоръ я, ,,убогъ:
,,Такъ видно голова почтенна меньше ногъ!

что забавники ихъ на мѣсто лаптей, головы свои больно замочили. Кратко, сушеніемъ лаптей оставныши до тѣхъ поръ любовались, пока бревна и съ сѣдоками теченіемъ воды не унесло у ихъ со всемъ изъ виду вонъ. Тогда радость и смѣшки зрящихъ, начали помалу удаляться, и на мѣсто ихъ почти невидимымъ образомъ подъѣхала кручина съ своими подругами. Какъ отставшія отъ стада лебединова лебіодушки, тутъ наши добрые молодцы встосковались, пригорюнились. Они ясныхъ очей своихъ не могли сомкнуть до бѣлова дня; все бѣгали, плутали по бережку, искали, кликали своихъ братцовъ товарищей. Наконецъ утомленные, какъ распуганныя ястребомъ младыя горлицы ищутъ своей матери, собираются они во свое стадо малое: ждутъ, посемениваютъ, глядятъ, посматриваютъ; но балагуры ихъ бѣдныхъ

оставили; нѣтъ ни слѣду, ни отзыву — стоятъ опершись о жезлы острые, повѣсивъ свои буйныя головушки и потупивъ въ мать сыру землю очи ясныя: что начать, не придумаютъ. „Куды мы пойдціомъ „безъ матки и вожатаго, толмачили „они? — „ Куда? мой бы совѣтъ вамъ ребята такой; не лучше ли на право кругомъ? — да домой покамѣстъ заживо пробираться. Такъ — они и дѣйствительно думаютъ поворотить вспять, во свояси. — Симъ первое путешествіе Пошехонцовъ въ Москву кончилось; однако мы поглядимъ на нихъ и во время возвратнаго ихъ шествія. Достопамятнаго опускать не должно.

Посылка шестая.

Не погнѣвайтесь пожалуйте; я ошибся сказавъ прежде, что при переправѣ чрезъ рѣку чудодѣевъ

нашихЪ, по сю сторону осталось человѣкЪ восемь или девять. Право недоглядѣлЪ; а то кто бы мнѣ велѣлЪ лгать по пустому? — ИхЪ еще цѣлая дюжина. ВпередЪ, или назадЪ итти, а безЪ старшова все нельзя. ВЪ етакой ватагѣ надобно кому нибудь быть вожатымЪ. И какЪ дѣло дошло до выбора, кому быть головою, то словно кошки заскребли по сердцу каждаго — всякому своя чесь мила и дорога — о честолюбіе, самолюбіе! не вы ли причиною, что никто не хочетЪ уступить другому первенства? да правду сказать, и за што? — каждой маткою предлагаетЪ себя, а другаго никто. „Ты — ушЪ — ты, да „ты хорошЪ — ліогко ли пиць дзѣ„ло? ВижЪ какой братЪ выѣхалЪ! — „издаліока ли ентакой? — а я цемЪ „худЪ? — а я цемЪ не хорошЪ? а я „щцо, а я? начали они межЪ собой „побахоривать.„ — Ну смотрите

ребята, чуръ опослѣ не пенять; мое дѣло сторона; только я бы вамъ совѣтовалъ какъ нибудь потише.— Языкомъ, что хотите болтайте, только рукамъ воли не давайте. Отъ спору до брани переходъ недалекъ, а отъ брани и до драки, не увидишъ, какъ доберешся. — Такъ и есть — мало помалу, слово за словомъ, щукманка въ голову за плевкомъ въ рожу, тычокъ за толчкомъ, оплеуха за тузомъ, да и пошла пируха — благо унимать нѣкому — схватились, сцѣпились, только щелкотня идетъ, словно овинъ помочью обмалачиваютъ; ломаются какъ медвѣди, грызутся, какъ голодныя собаки за кость, расхорахорились, какъ Индѣйскіе пѣтухи. Словомъ, сражаются, какъ Цесари. Нѣтъ никому и ни отъ кого помилованія. Всякой воображаетъ себѣ, (коли въ жару такого Иройскаго подвига воображать что нибудь можно), что

онъ одинъ правъ и уменъ, а прочіе всѣ и глупы и виноваты. Краткo сказать; междусобная сія схватка до тѣхъ поръ продолжалась, пока всѣ дѣйствующія лица изъ силъ не выбились; вотъ прямо неутомимые подвижники! — однако теперь все дѣло кончено; никто ни наступаетъ, ни обороняется; всѣ лежатъ смирнехоньки, какъ ягнята, но ягнята такія, кои побывали въ кохтяхъ по иносказанію добраго своего пастыря. Лежатъ, говорю, и яко спесивые не хотятъ промолвить единаго словечка. Собираются еще все съ душею и разумомъ — такъ славно подвизались — остатокъ достопамятнаго дня сего и грядущую за нимъ ночь проводятъ они въ отдохновеніи и лилѣяніи своихъ язвинъ. Но — милые бранятся, дерутся, лишь тѣшатся. Наутріе всѣ рано пробуждаются, коли можно было заснуть; однако встаютъ; по край-

ней мѣрѣ представляются отъ сна востающими; протираютъ кулаками себѣ глаза, и какъ гуси протягивая другъ къ другу шеи погагиваютъ: вчерашнее все забыто, все брошено, будто ничего не бывало. Какъ не поразмолвиться будучи вмѣстѣ? Всіо люди, всіо человѣки: и горшокъ съ горшкомъ столкнется. — Начинаютъ, совѣтуютъ, и для отвращенія всякаго спору удумываютъ метнуть святой жеребій, кому Богъ судитъ быть маткою — метнули — и судьбѣ угодно было избрать путеводителемъ *Фалалейца*. Какъ приближающейся осени со полночныхъ странъ бѣлые гуси, лебеди летятъ во краи теплые; такъ славные наши странствующіе рыцари устилаютъ за маткою на свою родимую сторонушку. Но поелику всѣ они были, что называется, не изъ самыхъ ухарскихъ, то и большихъ чудесъ строить было

нѣкому. Идутъ они день, идутъ два, идутъ три, идутъ недѣлю; все, слава Богу, хорошо, все благополучно, и здоровы и радошны, и сыты и одѣты; шутятъ себѣ да побахориваютъ, и въ разговорахъ невидаючи каждые сутки верстъ по семидесяти (съ прямой дороги въ сторону) промахиваютъ. — Но нечаянное приключеніе вдругъ возмутило ихъ спокойствіе и испровергло всю радость — новой маткѣ на дорогѣ, не здѣсь будь сказано, что то занедужилось, а имянно провальной червякъ какъ то въ просонкахъ заползши къ ней въ ротъ, такъ рѣско зачалъ точить зубы, что терпѣть могуты не было. Щоки распухли, губы раздуло, железы напряглись впрямъ какъ железныя. Воетъ бѣдная, да стонетъ, хоть упасть середь дороги, такъ въ пору. Можетъ быть ей пришли не по недугу тѣ кулашные гостинцы,

коими на канунѣ ея материнства дѣтки ее попотчивали. Можетъ быть и то и сіо; да что ты имъ теперь бѣднымъ дѣлать прикажешъ? — Жаль отъ всего сердца, а пособить нечемъ. Дѣло стало захожее, незнакомое, мѣсто нежилое; кругомъ лѣсъ пришолъ; однако кое какъ, уже и такъ и сякъ, отцелюбивые Енеи подхативъ Анхиза своего къ себѣ на плечи дотащили до селенія. Ну теперь таки ужъ все не то; на сердцѣ у ихъ нѣсколько поотдало. Пришли въ гостинницу, или лучше сказать приволоклись; и въ одинъ мигъ лѣкарей и лѣкарокъ набѣжало до полусотья, какъ будто духомъ пронюхали. Одинъ совѣтуетъ то, другой предписываетъ другое, третья говоритъ свое, и такъ далѣе. Не знаютъ, кого слушать: пробуютъ и тѣмъ и семъ, но пользы нѣтъ. Наконецъ той деревни славной

мастерЪ Василій кузнецЪ для уврачеванія недуга присовѣтовалЪ больные зубы выдернуть. Маткѣ предложеніе сіе, какЪ необычное, хотя и не очень было по сердцу, однако она по нестерпимой боли рада была на все согласиться, а дѣтки ея и подавно. Взяли, потащили бѣднаго Фалалейца вЪ кузницу — привели, и по приказу желѣзныхЪ дѣлЪ мастера вводятЪ его между четырехЪ столбовЪ вЪ непокрытую свѣтлую галлерею, гдѣ лошадей обуваютЪ. Хворой нашЪ, видя сіе, ну было пятиться, дрягаться и руками и ногами, да ужЪ поздо. Видь ни кто пихалЪ, самЪ попалЪ. ВпередЪ коли уснешЪ, не разѣвай рта; етакЪ и языкЪ отЪѣдятЪ; на кого тогда пенять станешЪ? — Не знаю точно, какЪ онЪ поставленЪ былЪ вЪ дыбахЪ, то есть, связанЪ, или распетлянЪ, только Василій кузнецЪ помощію своихЪ субтильныхЪ инструмен-

товъ тотчасъ разжалъ ему губы и зубы, всунулъ въ ротъ кляпъ, и оглядѣвъ больные зубы, оплелъ ихъ надежною проволокою, и въ семъ положеніи притянувъ болящаго къ кольцу передоваго столба, привязалъ его къ оному. Послѣ сего приготовленія оставилъ его, а самъ пошелъ работать въ кузницу, сказавъ ему на прощаньѣ: „стой братъ „теперь, да не шатайся.„ Дѣтокъ, слышавшихъ сіе, подрало по кожѣ; они не знали, что будетъ дѣлаться съ ихъ маткою. Мало по малу, одинъ за однимъ, всякъ наровитъ отъ дыбовъ подалѣ; а о паціентѣ самомъ и говорить нечево. „Ну, „думаетъ онъ въ себѣ, попался де „я въ кляпцы.„ Куда и болѣсь у парня дѣвалась? — Все какъ рукой сняло. Ибо уже онъ не о болѣзни, а о развяскѣ своей думаетъ: пугана ворона и куста боится; (припомните первой ночлегъ); аето худой

кустъ. — Наконецъ выходитъ изъ Вулкановой аптеки самъ врачь, держа клещами премастерой кусокъ раскаленаго желѣза, и идучи чего то на него побрасываетъ; искры съ трескомъ летятъ во всѣ стороны; подошедъ къ дыбамъ, и взявъ желѣзо обѣими руками сперва прицѣлился, потомъ съ размаху, какъ будто бы хотѣлъ сунуть оное привязанному страдальцу прямо въ ротъ. Фалалеицъ, при семъ дѣйствіи такъ сильно рванулъ назадъ голову, что инда столбъ пошатнулся, а переплетеныхъ косточекъ во рту какъ не бывало. Кровь хлынула изъ гортани его, какъ изъ ушата, въ глазахъ показались мурашки, голова пошла кругомъ. — Однако Дантистъ нашъ скоро Паціента своего привелъ въ чувство, успокоилъ, желѣзо и клещи бросилъ въ сторону, кровь, какъ водится у такихъ славныхъ мастеровъ, заговорилъ на воду, боль унялъ, червяка,

котораго не прозѣвалъ принести съ собою, показалъ всѣмъ во увидѣніе. И Фалалеицъ нашъ чрезъ полчаса времени всталъ, какъ встрепаной, будто ни въ чомъ не бывалъ; только что бѣлыхъ косточекъ съ полдесятокъ мѣста оставилъ въ дыбахъ, но ето бѣда не сама большая. Плутъ кузнецъ пронюхавъ отъ земляковъ Паціента своего, что онъ великой охотникъ до рѣпы, моркови, брюквы и другихъ подобныхъ овощей, увѣрилъ его, что выпадшіе зубы были точно репеные, и что намѣсто ихъ, со вспоможеніемъ его, выростутъ теперь настоящіе костяные; и для сего самаго далъ ему тутъ же нашептанный имъ какой то корешокъ, для всѣхъ шести паръ въ случаѣ нужды равно дѣйствительный; за что дюжина наша челомъ била ему не только слозами, но и мошнами. И мнѣ сказывали, что послѣднія доказательства благодарности го-

раздо благосклоннѣе зубнымъ врачемъ были приняты, нежели первыя. Щуки и въ старину нашедъ карася не дремали.

Посылка седьмая.

На кого пойдетъ напасъ, такъ только отдувайся. Вскорѣ послѣ сего еще одинъ изъ братіи именемъ *Тарасъ* захворалъ лихоманкою, которая парня со всемъ отъ ѣды отбила, и въ короткое время изсушила его какъ лучиночку, сокрушила какъ былиночку. И слава еще Всевышнему, что это случилось, не помню, въ какомъ то городѣ, гдѣ тогда былъ одинъ совершенно испытанный въ искуствѣ, дознанный въ добродѣтели, и знаніемъ своимъ по всему околотку весьма прославившійся лѣкарь, котораго путникамъ нашимъ позвать къ больному всѣ

совѣтовали, увѣряя ихъ, что онъ, коли примется, такъ съ одра подыметъ человѣка. Вдругъ бросились наши къ сему размазанному хвалами Ескулапу на подворье; но къ нещастію своему, его у себя не застали. Онъ отозванъ тогда былъ въ деревню за городъ, верстахъ въ семи или осьми отъ него лежащую, къ одному больно богатому помѣщику; и имъ въ отвѣтъ отъ домочадцевъ Штаблѣкарскихъ сказано, что если они хотятъ его поскорѣе имѣть у себя, тобы сами за нимъ туда съѣздили; для того, что яко бы онъ отъѣзжая проговаривалъ, что по причинѣ трудной и опасной болѣзни, пробудетъ тамъ нѣсколько дней, а можетъ статься, и недѣль сряду. Дорога у пришлецовъ нашихъ въ показанную деревню была въ свѣжей памяти. Ибо они, только дни три тому назадъ, какъ ее за собою оставили. Короче сказать, она была та

самая, гдѣ кузнецъ дѣлалъ операцію. — Знали они, что въ животѣ и смерти Богъ воленъ, и что если его святой волѣ будетъ угодно, то не только лѣкаря, да и ворожеи не пособятъ: однако нѣжное братство и Дамоно-Пифіево дружество не позволяли имъ хвораго одного, на чужой сторонѣ, въ незнакомыхъ людяхъ, оставить, покинуть, бросить, безъ помощи, безъ пріюту, безъ призрѣнія. Единодушная и горячая любовь къ *Тарасу*, какъ кнутомъ погоняла ихъ, искать ему всячески исцѣленія. Время было дорого; Тарасу отъ часу хуже; то въ ознобъ, то въ жаръ бросаетъ его беспрестанно; къ лихоманкѣ присунулась огневица; бредитъ сердешной безъ умолку, спитъ безъ просыпу, ѣстъ безъ памяти, испить проситъ поминутно. Рѣшенось, какъ можно скорѣе, во что бы ни стало, бѣжать за помянутымъ лѣ-

каремъ. Какъ же бы тутъ сдѣлаться? Пробѣжать по осьми верстъ въ оба конца не шутка. Приступаютъ къ Хозяину — валяются въ ногахъ, какъ самые отчаянные, просятъ его обливаясь горючими слезами, неотступно, что бы онъ далъ имъ какой нибудь клячонки съѣздить за лѣкаремъ. Добродушной хозяинъ видя таковую ихъ нужду безъ взякаго прекословія согласился на ихъ прозьбу, и предложилъ со своей стороны все, что могъ, и что было надобно, къ ихъ услугамъ. Лошадь въ одинъ мигъ впряжена въ коляску, что навозъ на пашню возятъ; и наши всѣ одиннадцатеро ну было усаживаться и ѣхать за-тыми; они такъ въ дорогѣ свыклись между собою, что не было мочи одному отстать отъ другаго. Однако гостепріимецъ ихъ отъ етого отговорилъ, и настоялъ на томъ, что бы послать изъ нихъ кого ни

будь одного порасторопнѣе — Видно, что онъ или не съ лишкомъ надѣялся на свою клячу, или очень любилъ ее: а можетъ быть цѣль его была и та, что бы отпустивъ одного съ лошадью, прочихъ удержать у себя аманатами, въ случаѣ какой измѣны. Какъ бы то ни было; только по хозяинову сдѣлалось; и за лѣкаремъ по общему всей братіи согласію отправленъ былъ *Меркулыцъ*. Хотя время приходило и къ вечеру; да спасибо, ето парень былъ не изъ тѣхъ, кои трусу любятъ праздновать. Онъ хоть въ глухую полночь такъ не струситъ ни чорта. Однако все хорошо, говорится, до поры времени. — Уже посланный былъ на половинѣ пути своего; углубившись въ печальныя размышленія онъ не взиралъ ни на что окрестъ себя. Красота видовъ неудобна была обратить на себя очей его: сладкія пташечекъ пѣсенки не внятны

были ушамъ его; благоуханіе цвѣтовъ не проницало засорившагося его обонянія. Ему все было не мило; все сдѣлалось постыло; сватъ Тарасъ нездоровъ. Въ минуты, самой глубокой его задумчивости, (или дремоты, кто про это знаетъ) откуда ни взялся, вдругъ брякъ съ зади къ нему на тѣлегу; и кто же? поглядите на портретъ его — въ видѣ человѣка середняго росту, только — чорной какъ головня, курчавой словно мерлушка, бѣлозубой, толстогубой, плосконосой, пучеглазой — страшной — свирѣпой, угрюмой — теперь намъ отгадать нетрудно — но *Меркулычъ*, какъ при потрясеніи своей колесницы оглянулся назадъ, то обмеръ отъ ужести, самъ себѣ не вѣритъ, слышитъ, что тутъ — а посмотрѣть хорошенько не смѣетъ; однако полегонь-ку, ти-хо-хонь-ко, шею на косъ черезъ плечо, изъ подлобья, еще

назадъ коситъ глаза — тутъ! — провались онъ провальной — подрало по кожѣ, какъ ножемъ, пуще крещенскаго морозу — со всемъ на яву — таки вотъ какъ вылитой окаянной — охъ! нѣтъ; ужъ ето видно не причудилось — „а ось и „мерещицься, думаетъ себѣ, дако „перекщусь и благословясь асцо по„смотрю;„ крестится, творитъ молитву, заклинаетъ, и лишь только было хотѣлъ оглянуться, какъ некрещоная харя черномазой своей лапой хлопъ его по плечу; возница оцѣпенелъ — а неліогко нанесенной сѣдокъ въ прибавокъ, сиповатымъ и маловнятнымъ голосомъ ему: *непосъ пратъ*. Ободрительное привѣтствіе сіе поѣзжанаго нашего окуражило, словно громомъ; возжи изъ рукъ выпали. Спасибо, хоть лошадь на етотъ разъ случилась нерьяна, а то пожалуй, другая почувствовавъ ослабу, понеслабы драть, что

не успѣлъ бы мигать. Что дѣлать? — На дворѣ смеркается — а до лѣсу только вотъ шаговъ десять — *ой мнѣ етотъ пратъ!* разсуждаетъ Меркулыцъ; сидитъ, какъ попавшійся раздраженному медвѣдю въ лапы, и дыхнуть посвободнѣе не смѣетъ, самъ не свой; да коли правду сказать, такъ хошъ бы и ково въ етакомъ случаѣ задеріотъ за живое. Наконецъ Меркулыцъ кое какъ, сжавъ сердце сквозь зубы какъ не хотя, неоглядываясь уже по прежнему, полутонами произноситъ рѣчь: „Цос„ный господзинъ цортъ, пожалу„ста сойдци. Я не цортъ, отвѣт„ствуетъ ему сѣдокъ — да — ты „не цортъ — а — вишъ какой! — асцо „хошъ меня обмануць — развѣ я „ослѣпъ — да кто жа ты кормиль„ной, коли не цортъ, и съ цово ты „меня назвалъ давицъ братомъ? „продолжалъ Меркулыцъ — я Арапъ „— охъ, да даромъ, сцо ты мнѣ

„радъ, говоритъ на сіе Меркулыцъ, „я цебе не радъ, пожалуста сойдци, „покинь меня радци Бога, пусци „душу на покаяніе.„ Арапы лукавы, и етотъ ворина смѣкнулъ тотчасъ, какую ему должно играть ролю: онъ вздумалъ позабавиться хорошенько. Но какъ въ продолженіе разговора сего и лошади дана была полная свобода, то и ей отъ бездѣлья вздумалось поглядѣть на дѣйствующія лица; но не успѣла она, такъ сказать, путемъ осмотрѣться; какъ вдругъ, поднявъ свой бунчукъ такъ рванула съ дороги въ сторону, что сердечникъ хряснулъ, и она съ одними передними колесами опрометью, словно отъ медвѣдей, (хотя я и незнаю, пахло ли изъ нихъ отъ кого медвѣжиной) со всѣхъ ногъ пустилась ко двору; (*) откуда, подумаешъ, и рысь взялась? Меркулыцъ сѣлъ, какъ ракъ на мѣли;

(*) Ето стало быть извѣстно опослѣ.

а сѣдокъ, умышленно брякъ на него, и для шутки, его облапилъ обѣими, началъ щекотать и подавливать за шиворотокъ. Меркулыцу бѣдному прищло, а болѣе вообразилось, такъ, что ни дохнуть, ни пыхнуть — ни туды, ни сюды, барахтается, бьется, инда духъ захватило. Вотъ тутъ то надобно сохранить всю силу и присутствіе разума! или какъ говорятъ: Вотъ тутъ устой, гдѣ кисель густой. Быть одному одинехоньку, поздо вечеромъ, въ лѣсу, безъ лошади, въ незнакомомъ мѣстѣ, съ чортомъ и у его въ кохтяхъ; это худые смѣшки. Хоть бы кому довелось, такъ право не хотя трухніошъ. Но полно мнѣ томить Читателя сими расказами; время развязать узелъ явленія. — Арапъ видя, что шутка его идетъ уже не на шутку, первой началъ резговаривать, ободрять и успокоивать своего сопутника; и хотя съ

трудомъ; однако, казалось, увѣрилъ его о себѣ, что онъ дѣйствительно не чортъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ прочіе, только что смуглоѣатъ. И для сего расказалъ ему все, что было надобно; и подъ конецъ къ немалому щастію Меркулыца нашего открылось, что етотъ чернобровецъ былъ изъ дому того самаго Господина, къ которому онъ сперва ѣхалъ было, а теперь долженъ итти за врачемъ. Такими утѣшными словесами поѣзжаной нашъ мало помалу ободрился, всталъ кое какъ, встрепенулся и побрелъ съ званымъ братцомъ въ деревню, только не такъ, чтобы около его очень блиско, а все наровя поодаль и во всю дорогу почти поминутно на него съ боку поглядывалъ. Наконецъ пришли они въ домъ помянутаго помѣщика: ходатайствомъ Арапа, лѣкарю тотчасъ доложено было о Меркулыцѣ и о винѣ его

пришествія. Лѣкарь, по благодушію и усердію своему, хотѣлъ было въ тужe минуту ѣхать къ больному; однако недокончанная пуля заставила его отложить ето дозавтрея. На другой день изъ деревни отправился онъ къ больному въ городъ, и звашаго взялъ съ собою вмѣсто провожатаго — пріѣхали въ городъ, пришли въ гостинницу; и врачь по правиламъ своея науки первѣе всего пощупалъ пульсъ у больнаго, потомъ велѣлъ ему показать языкъ. Мучимый трясавицею, сколь ни былъ труденъ; однако вспомня операцію надъ маткою своею въ кузницѣ, и устремивъ быстро на врача глаза свои, при всей слабости, изъявляющіе нѣкоторое недовѣріе, сказалъ ему притворно улыбаясь: „да — ты „обманесъ, ты мнѣ яишничу дашъ„ И какъ лѣкари тогда были все изъ своихъ рускихъ, а изъ иноземцовъ ни одного; то и етотъ врачь, зная

истинное значеніе сихъ словъ, крайне удивился такой осторожности своего паціента, и при всей своей Иппократовой важности, не могъ удержаться отъ смѣху. — Однако, кое какъ онъ уговорилъ его языкъ высунуть, и узнавъ силу и свойство болѣзни, принялся больнаго пользовать, и лѣчилъ столь удачно и рачительно, что чрезъ недѣлю со всемъ его поставилъ на ноги. И такъ прошлецы всесвѣтные отблагодаривъ изъ учтивости своей хозяина, то есть, заплативши ему по представленному отъ него щоту все чисто на чисто за квасъ, щи, соль, постоялое, за испужаніе лошади и хожденіе за больнымъ, за телегу, за пріемъ лѣкаря и другія мѣлочи, почесали только у себя въ запылкѣ, и рѣшились никуда не заходя, какъ можно скорѣе пробираться восвояси.

Здѣсь можно бы расказать, какъ они поступили съ карманными часами, найденными ими на дорогѣ; но мы объ етомъ въ другомъ мѣстѣ и въ иномъ видѣ упомянемъ. А теперь загонимъ ихъ съ Богомъ домой — пусть они немножко поотдохнутъ, и другимъ про чудеса свои порасскажутъ. Посмотримъ-те лучше ихъ на своей родимой сторонушкѣ.— Они, набуркавшись въ походахъ по чужимъ землямъ, стали еще замысловатѣе и расторопнѣе.

ПОСЫЛКА ОСЬМАЯ.

Не успѣли, такъ сказать, подмосковные наши путешественники появиться на свою сторону, не успѣли надлежаще опочить отъ рыцарскихъ своихъ подвиговъ; какъ неумолкная сестра Цеа и Анцелада далеко въ окрестности удальство

ихъ пронесшая, привлекла изъ оныхъ въ пресловутое Пошехонье толпы любопытныхъ, неудоволившихся однимъ слышаніемъ, но желавшихъ своими глазами видѣти мудрецовъ нашихъ, и полюбоваться глядя на ихъ хитрости. Толико они въ немногіе дни похожденія своего прославившись, прославили купно и дорогое свое отечество! Прошло уже то времячко, въ которое они, розиня ротъ, всему удивлялись; нѣтъ — теперь сами тертой калачь: на свой пай по бѣлу свѣту побуркались довольно, насмотрѣлись и навидѣлись всячины, намыкались горя до сыта; нужда научила калачи ѣсть, пусть-ка другой кто етакъ своимъ хребтомъ полюбопытствуетъ, такъ небось узнаетъ Козмину мать. — Но я говорю не о прошедшемъ, а о настоящемъ. Во дни сего величія и славы своей, наслаждаясь покойно плодами своихъ

пріобрѣтеній, они приводили всѣхъ въ нѣкое забавное удивленіе. Что ни скажутъ, все такъ къ стати, остро, ловко, любо слушать; что ни сдѣлаютъ; и превосходно и поразительно; кто ни посмотритъ, у всѣхъ глаза разбѣгаются — шпынямъ и балагурамъ потрунивать на ихъ щотецъ стало неловко; а что бы провесть етакъ изъ нихъ кого за носъ, или поддѣть на фуфу, и не думай: все видятъ, все проницаютъ. — Но кто изъ человѣкъ на всякой часъ устережется? слѣдующее съ ними приключеніе служитъ яснымъ доказательствомъ оплошности и преткновенія ума человѣческаго. Не могу увѣрить заподлинно, въ первой ли годъ по возвращеніи ихъ изъ славнаго своего путешествія случилось оное, или уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того; только вѣдаю то, что было блиско того мѣсяца, которымъ смотрятъ

въ сердцахъ и съ просонковъ. Въ сію годину, какъ извѣстно, хорошіе деньги проскакиваютъ на рѣдкость. Правду сказать, что судя по тогдашней порѣ времени на холодъ грѣхъ имъ было пожаловаться; погода стояла довольно теплая, только дожди и мокрить ужъ чрезъ чуръ имъ надоѣли. Ибо опричь того, что за продолжающимися почти беспрестанно ливнями, не льзя было ногой со двора выступить, и дома покою не было; для того что въ почивальнахъ ихъ отъ чрезмѣрной чистоты и опрятности, развелось блохъ такое множество, что куда ни ступишъ, куда ни сглянешъ, вездѣ ихъ кишмя кишитъ; такъ и прыгаютъ, беспрестанно кусаютъ да жиляютъ, ни днемъ ни ночью покою не даютъ. Етакія навязались супостатки: какъ отбиться отъ проклятыхъ, не придумаютъ. Ужъ, кажется, и сору-та изъ избъ не выносятъ, и полъ-отъ

перестаютъ пахать, и трухою-та вездѣ усыпаютъ, утаптываютъ, и водою-та поливаютъ, словомъ, ужъ чево то чево не дѣлаютъ; но все нѣтъ никакой помоги. Доморощеная ета легкоконница такъ ихъ пристрюнила, хоть изъ дому вонъ бѣги; а куда дѣться прикажешъ? развѣ и впрямъ броситься изъ огня да въ полымя. Слухъ о таковомъ ихъ нещастіи пронесся далеко во всѣ стороны. У него, не у курицы, типунъ на языкъ никогда не сядетъ. — Наконецъ передъ самыми заморосками пріѣзжаетъ къ нимъ на лихой тройкѣ, незнаемо откуда, и невесь еще за чемъ, нежданой гость съ такимъ большимъ возомъ травы, какіе досель бывало крестецкіе ямщики приваживали сюда на конную для продажи. Новопріѣзжій сѣнникъ по новости дѣла останавливается середь самой большой улицы; отвсюду сбѣгаются къ нему толпами, окру-

жаютъ, глядятъ, какъ на чудо, и кто изъ любопытства, другіе же мудрѣйшіе въ чаяніи себѣ спасенія, дѣлаютъ ему разные вопросы, на кои онъ не сходя съ возу доноситъ имъ о себѣ вкратцѣ слѣдующее: что я дискать прослышавъ о постигшемъ пресловутый градъ вашъ нещастіи и съ малыхъ лѣтъ упражняясь въ пользованіи разнаго рода травами, позналъ довольно ихъ силу, разныя пригодности, дѣйствія и противодѣйствія, и что искуствомъ своимъ надѣясь несомнѣнно пособить настоящему вашему горю, единственно по сердоболію своему пріѣхалъ къ вамъ, самъ собою, недожидаясь зову, боясь, дабы отъ умедленія зло не заматарело, подать вамъ руку помощи, какъ можно скорѣе, доколѣ есть еще къ тому способъ. Словомъ; етотъ Краснобай умѣлъ такъ искусно росписать себя, что въѣхалъ къ нимъ въ ротъ

по уши; да и нельзя было ему не повѣрить. Кто тонетъ, тотъ и за лезвее радъ ухватиться. Выбившіеся изъ мочи отъ остервенившихся и уверпливыхъ наѣздницъ, могучіе наши Лукапіоры, слушая таковыя утѣшныя, улесныя словеса его, какъ воскъ отъ огня растаяли. Они немогутъ довольно изъявить своей другъ другу радости, и благодарности мнимому своему избавителю. Ибо онъ въ самомъ дѣлѣ ни что иное былъ, какъ обыкновенный Шарлатанъ и обманщикъ, то есть: тѣмъ дѣтушкамъ помога, у ково есть денегъ много. Однако посмотримъ, какой конецъ будетъ. На суслѣ пива не узнаешъ: еще Богъ знаетъ, кто кого обманетъ. Наши и сами, кажется, ребята себѣ на умѣ — непромахи. *Помогинъ*, такъ прозывался пріѣзжій докторъ, стоя на возу, держа въ рукѣ кнутъ, обращаясь на всѣ стороны, съ прилич-

ными тѣлодвиженіями произноситъ длинную рѣчь о пользѣ травъ своихъ, доказывая, что онѣ самыя рѣдкія, что вывезены изъ за моря за нѣсколько сотъ лѣтъ до сотворенія міра, и достались ему по нѣкоторому особливому случаю, или лучше сказать счастію по смерти такого человѣка, что кабы де они знали, то бы . . . увѣряя при томъ, что одною прядочкою изъ того безцѣнного собранія, на которомъ они его видятъ предстояща, можно перевести не только всѣхъ блохъ, но и клоповъ, тараканов и проч. хотя бы етой гадины были цѣлыя тысячи тысячь. Словомъ, онъ поставилъ травы свои несравненно выше Ерофеичевой сорокотравки Но сколь онѣ по словамъ его ни драгоцѣнны были, однако онъ нежалѣя какъ ординарнымъ сѣномъ покармливалъ ими тутъ же безъ всякаго зазору лошадей своихъ. Лгать и хвасто-

вать, казалось бы, надобно поосторожнѣе, что бы не попутаться. Прискакавшій съ попыховъ Шарлатанъ или не имѣлъ сей догадки, или ужъ съ лишкомъ надѣялся на своихъ слушателей, которымъ и дѣйствительно въ печаляхъ подумать объ етомъ не пришло въ голову. *Помогинъ*, увѣривъ такимъ образомъ весь Пошехонскій факультетъ о превосходствѣ и пригодности своихъ травъ отъ блохъ, слезаетъ самъ, и двое по видимому учениковъ его съ телеги, развязываетъ возъ полегоньку, что бы не раструсить, и для порядку въ продажѣ, учениковъ разставляетъ по сторонамъ воза съ кнутьями, приказывая, что бы они нахаловъ отгоняли, и подбирать ребятамъ лѣкарственныхъ своихъ травъ даромъ недавали. Торгъ начинается; вѣсить да развѣшивать нѣкогда; купцовъ тутъ не двое и не трое; всѣ ждутъ исцѣ-

ленія, всякому хочется поскорѣе; а продавецъ сталъ одинъ. И такъ, онъ вздумалъ продавать товаръ свой не пудами и фунтами, а прядочками по своей таксѣ, травинокъ етакъ по десятку, по два, по три и болѣе, смотря по деньгамъ, или лучше, сколько въ руку захватится; щотъ былъ короткой, и раздѣлка недолгая. Ибо, дабы въ такихъ хлопотливыхъ и жгучихъ обстоятельствахъ не толковать каждому по одиначкѣ своего рецепта, и тѣмъ болѣе сберечь времени, то онъ самъ вызвался добровольно изъяснить оной хорошенько всѣмъ вдругъ, какъ скоро со всемъ отдѣлается. Ибо имъ самимъ и етого спросить не пришло на разумъ. То молодцы! — купля и продажа происходитъ съ жаромъ; денежки побрякиваютъ; на чьей то сторонѣ перевесъ будетъ? — Между тѣмъ дѣло приходитъ къ вечеру, и ярмонка

оканчивается уже при огнѣ, и то для того только, что у Новоторца ничего не осталось ни подъ себя подослать, ни лошадямъ дать; ибо онъ въ торопяхъ и объѣдки лошадиныя упекъ тутъ же. — Управившись со всемъ, и взлести съ учениками своими на прежнюю свою кафедру, начинаетъ онъ велегласно: „охъ вы гой есте добрые молодцы! „всѣ, гей! всѣ! сюда — ближе! стой- „те смирненько — пожалуйте — „теперь, сей Божій часъ я вамъ „открою всю тайну, коей другой „на моемъ мѣстѣ ни одному чело- „вѣку не объявилъ бы ни за какія въ „свѣтѣ сокровища; смотрите же, „примѣчайте хорошенько, и что „буду говорить, помните. — Слу- „хамъ, слухамъ, слухамъ, корми- „лечь! отвѣтствуетъ ему нещет- „ное множество голосовъ — траву „ету, продолжаетъ Ораторъ, сперва „надобно высушить сухо насухо;

„и такъ вы положите ее въ топле„ную печь бережненько, какъ жаръ, „знаете, пообходится, чтобы она „ни сгорѣла, ни пригорѣла; слыши„те ли друзья мои! — Слухамъ сто, „слухамъ, восклицаютъ ротозеи — „высушивъ же должно ее истолочь „или истереть въ порошокъ мѣлко „на мѣлко, какъ муку на кисель; и „такъ я бы вамъ совѣтовалъ лучше „всево положить ее въ ступу, и „толочь до тѣхъ поръ, какъ пыль „полетитъ. Слышите ли? — Слу„хамъ 3жды. Послѣ сего порошокъ „изъ ступы выньте или высыпте, „єто все равно. Разумѣетели? — Ра„зумѣмъ родзимой, разумѣмъ. — Ну, „смотрите же берегите етотъ по„рошокъ, какъ глазъ свой, до слу„чая, то есть: когда вы поимаете „блоху, то взявъ ее искусненько — „смотрите, какъ можно, бережнень„ко, за ножки или за крылышки, „что бы какъ нибудь ее не повре-

„дить, головой обороти́те къ себѣ,
„и старайтесь разсмотрѣть хоро-
„шенько у ней глаза. Когда оныя
„найдете, то какъ можно не давайте
„ей щуриться, и поскорѣе порошку
„сего дуньте ей въ оныя. И буде
„ей попадетъ его хоть одна пы-
„линка въ глаза, въ ротъ или въ
„носъ; (скажу вамъ, что эта гадина
„рыломъ вообще очень хлипка) то
„она тотчасъ или издохнетъ, или
„ослѣпнетъ, или по крайней мѣрѣ
„такъ зачахнетъ, что ужъ вѣрно
„не проживетъ долго. Но что я
„вамъ сказалъ объ одной, вы тоже
„должны разумѣть и о прочихъ: *по
„сему же и прочая разумѣвай*, написано
„въ азбуцѣ. Слышители? — Слухамъ
„ста — ну да все ли, что я вамъ
„по сю пору говорилъ, вы помните
„и разумѣете? — Все кормилечь,
„какъ етава не разумѣць намъ?
„а коли все, то и у меня все. Теперь
„прощайте, живите благополучно.„

И съ сими послѣдними словами такъ махнулъ по лошадямъ , что только плута и видѣли; какъ стрѣла умчался изъ виду вонъ.

ПОСЫЛКА ДЕВЯТАЯ.

Спустя нѣсколько послѣ сего времени, къ Пошехонцамъ нашимъ изволилъ пожаловать и еще дорогой гость, которой не плоше Помогина, выдавалъ себя за великаго знатока и искусника въ таинствахъ природы. Но коли на прямыя денежки отрѣзать; такъ онъ былъ ни что иное какъ обакула мученикъ, которой не имѣя у себя и столько , чемъ бы голодную собаку изъ подъ стола выманить, вздумалъ подняться на хитрости. Голь на выдумки мудра. И что же? Онъ совершенно увѣрившись о чистосердечіи и любовѣденіи Пошехонцовъ, зачалъ имъ языкомъ

своимъ точить разныя фокусы покусы, прося положиться на честное его слово, что если они между прочимъ хотятъ видѣть опытъ его дарованій; то онъ безъ насѣдки, самъ собою и одинъ берется высидѣть цыплятъ, утятъ, гусятъ, словомъ всякихъ птицъ, какихъ хочешъ, и сколько угодно, и еще такъ, что ни одного болтуна не будетъ, только были бы самыя свѣжія яица, и способное къ высиживанію мѣсто. Тайна выводить цыплятъ безъ курицы, хотя въ новѣйшія времена и открыта; однако еще и нынѣ не многимъ извѣстна, а тогда объ ней и слуху не было. И такъ весьма естественно, что любомудрцы наши, слушая такую задачу, обомлѣли отъ удивленія. И сколько по любопытству своему, столько для избѣжанія самимъ хлопотъ, захотѣли непремѣнно видѣть событіе сего неслыханнаго чуда. По нѣкоторыхъ

съ краткихъ обѣихъ сторонъ переговорахъ и условіяхъ, согласіе съ каждой подписано и устами и душами. Контрактъ былъ сдѣланъ словесно, котораго почти вся сила состояла въ томъ, что бы насѣдку какъ во время трудовъ ея всевозможно беречь и всемъ довольствовать, такъ и послѣ оныхъ, то есть, по совершеніи всего дѣла, не обидѣть, а наградить пристойно. Теперь надобно помышлять, какъ бы поскорѣе приступить къ самому дѣлу. Должно выбрать мѣсто: ету матку въ горшокъ иль лукошко, думаютъ себѣ, не втискаешъ; да и яицъ съ разными мѣтками нанесено такое множество, что ими хоть прудъ пруди. Но объ етомъ пещись ужъ не хозяйская забота: они знай только свое дѣло — *Голтялонъ*, (имя новомодной насѣдки) тотчасъ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе. Подлинно всякое дѣло своего мастера боится.

Онъ избралъ для сего овинъ, котораго лучше и больше не было во всемъ Пошехоньѣ, и велѣлъ перенести въ оной всѣ яица. И когда по предписанію его все нужное для высидѣнія цыплятъ было исполнено, то онъ благословясь сѣлъ на свое мѣсто въ подовинникъ, куда всѣ яица напередъ еще были спроважены. Кто видалъ, какъ въ деревенскомъ быту немолоченой хлѣбъ сушатъ, тотъ все єто дѣло легко представить себѣ можетъ; почему я и не распространяюсь о семъ много. И хотя по силѣ договора усѣвшаяся на яица насѣдка не имѣла недостатку ни въ питіи ни въ пищѣ; однако ей что то вздумалось очень рано яички проклевывать, то есть, подпекать да уплетать ихъ съ невидальщины, благо дорвалась, кое въ смятку, кое въ густую, когда яишинку состряпаетъ, какъ вздумается. Сверхъ сего кормили плута и одѣвали,

какъ пастуха, всемъ міромъ, только что несравненно лучше. Хорошенькаго куска сами себѣ не уболивали, да ему носили. Рубаху и болохонъ всякой день давали ему чистые, а о другомъ и говорить нечего — любо! *Гольтяпону* не житье, а масленица; и тепло и сытно, прохлажается себѣ, да около огонька поваливается — не вышелъ бы изъ подовинника. Говорится же пословица: какъ хлѣба край, такъ и подъ елью рай, а тутъ благодаря Бога еще не въ лѣсу съ волками да медвѣдями: есть съ кѣмъ слово промолвить: нѣтъ того божьяго дня, что бы его разъ сто навѣстить не пришли; а коли угодно, такъ и къ себѣ для поговорки, и скуки ради пожалуй хошъ пятерыхъ иль десятерыхъ возьми; только спасибо онъ и одинъ не скучалъ себѣ и не боялся. Мало по малу пришло то время, въ которое обыкновенныя насѣдки перестаютъ сидѣть

на яицахъ. Но *Гольтяпонъ* нашъ не беспокоится, что у него цыплята не проклевываются. Да и какъ человѣка примѣнить къ курицѣ? Одна тварь несмысленная, все дѣлаетъ слѣпо, по одному врожденному побужденiю; а другой одаренъ разсудкомъ и волею непринужденною; а потому и поступать долженъ сообразно съ оными, и изъ самыхъ благъ избирать лучшее и большее. — Еще непроклюнувшихся яицъ на мѣсяцъ мѣста станетъ; такъ на чтожъ торопиться? надобно все доканать — Между тѣмъ хозяева яицъ и скоро будущихъ цыплятъ ходить гулять на гумно такъ повадились, какъ щеголи на гостиной дворъ, или купцы въ лѣтнее время на биржу. Всѣ навѣдываются о состоянiи матки, и горя нетерпѣливостiю видѣть во дни свои диво дивное и чудо чудное, замучили почти ее своими вопросами: „все ли корми-

„лечь, идзіоцъ у цѣбя по добру, по „здорову, и скороль мы увидзимъ „своихъ цыпочекъ? —„ На что реченный *Гольтяпонъ* боясь сойти съ гнѣзда своего, дабы не остудить яицъ, и тѣмъ всего дѣла не подгадить, или лучше, что бы бездѣльничества своего не обнаружить, всегда изъ подовина отвѣтствовалъ имъ въ маленькую дырочку, (а когда приходили къ нему съ кушаньемъ, то онъ не боялся отворять окна на стежъ) увѣщевая при томъ, что бы они не беспокоились, что дѣло уже со всемъ къ желаемому концу приходитъ, что онъ имѣетъ великую надежду, и что теперь остается имъ только думать о куряттникахъ, насѣстяхъ и о заготовленіи заблаговременно корму. Нѣтъ нималаго сомнѣнія, что Пошехонцы не помысливъ о семъ сами, толь полезные и нужные его совѣты приняли съ чувствительнѣйшею

благодарностію, и не преминули точнѣйше оные выполнить. Между тѣмъ проходитъ и еще мѣсяцъ. Въ подовинникѣ одна только скорлупа, а бѣлки и желтки всѣ до одного усижены. Какъ ету прожору прости Господи не тр. . . . Какой то уже онъ отвѣтъ дастъ? Да полно у плута еще напередъ удумано, какъ отбояриться, и изъ воды сухимъ выпти. Онъ видя бѣду неминучу зажегъ овинъ — вотъ ти и концы всѣ въ воду; пиши пропало.— Когда на пожаръ народу посбѣжалось, то онъ представившись самымъ нещастнымъ, бѣгалъ около овина какъ отчаянной безъ признаковъ памяти и разума, билъ себя кулаками въ лобъ и брюхо, рвалъ на головѣ волосы, и хлопая въ ладоши, кричалъ изо всего горла: ко! ко! ко! ко! — прибѣжавшіе попрежде на пожаръ сжалились глядя на такое его жалостное состояніе, и кое какъ на силу

могли изловить его; ибо онъ очень долго недавался въ руки, и такъ какъ мать, растопыря свои, клевалъ и билъ всѣхъ, чемъ ни попало; говорятъ, что онъ въ беспамятствѣ довольно у мнимыхъ своихъ злодѣевъ разсадилъ лбовъ и не изъ одного носу клюковной квасъ пустилъ. Но въ такой сильной горячкѣ, какою онъ былъ одержимъ тогда, человѣку все простительно; да и можно ли на полоумномъ что взыскивать? — Етакимъ врагъ представился! — и такъ его схвативъ, одни держали крѣпко накрѣпко, что бы онъ съ горя въ огонь не бросился, а другіе кричали имъ: „дцерзыцѣ, дцерзыцѣ, „мацирено серче, кажному свое черевя жадобно.„ Изъ сего видя онъ, что бояться ему нечего, то есть: что въ огонь броситься его не пустятъ, началъ еще болѣе биться, и крича непрестанно свое ко! ко! ко! ко! ко! изъ рукъ всѣми силами

вЪ огонь рваться. И когда уже овинЪ сгорѣлЪ, то онЪ прерывающимся отЪ слезЪ и тяжкихЪ вздоховЪ голосомЪ говорилЪ имЪ: „немилосер„дые! жестокіе! варвары! тигры „безсловесные! дайте мнѣ избавить „дѣтей моихЪ, родныхЪ моихЪ, „или по крайней мѣрѣ самому по„гребстись сЪ ними вЪ одной мо„гилѣ.„ Однако Пошехонцы недопустили его насладиться симЪ послѣднимЪ удовольствіемЪ, и изЪ добродушія своего старались всѣми мѣрами для облегченія его участи утѣшать его и уговаривать, не воображая себѣ, что тѣмЪ растравляютЪ только глубокія раны его и умножаютЪ мученія. И они дѣйствительно достигли своего желанія; ибо бѣснующійся ихЪ чрезЪ нѣсколько дней гораздо поoправился какЪ отЪ болѣзни, такЪ и отЪ беспамятства. ВЪ сіе время любопытствующимЪ, какимЪ образомЪ заго-

рѣлся овинъ, расказывалъ онъ слѣ-
„дующее: наканунѣ сего нещастнаго
„дня — (вздыхая и возводя глаза на
„палати) всѣ цыпочки мои до послѣд-
„няго изъ яичекъ вылупились, и какія
„же были, кабы вы видѣли, миленькія,
„пестренькія, хохлатенькія, мохна-
„тенькія, веселенькія, хорошенькія—
„какъ было сердце мое радовалось,
„утѣшалось!—но одинъ изъ первень-
„кихъ етакъ недѣлекъ трехъ или
„двухъ съ половиною, подошедъ бли-
„ско къ огню, такъ то зажегъ сизыя
„(плача горько) свои перышки; мнѣ
„сойти съ мѣста нельзя было; (*)
„а онъ видно испужавшись бросился
„бѣдненькой опрометью въ свое
„гнѣздышко, подстилочка въ гнѣздѣ
„его вдругъ вспыхнула. И я — только
„и помню. Ужъ не знаю, какъ меня
„самаго Богъ спасъ!„ сказавъ сіе
зарыдалъ неутѣшимо, и Пошехонцы
глядя на него утирали кулаками

(*) Для того, что доѣдалъ яишницу.

катящіяся по лицу бурмицкія зерна. Послѣ сего изъ любви и усердія къ добрымъ Пошехонцамъ, также и для оправданія своего, принимался было онъ еще разъ десятокъ высиживать для нихъ цыпочекъ; но бѣдному, видно съ чьего нибудь глазу, все была неудача. Когда уже со всемъ и все готово, только вотъ что бы вытти съ маленькими своими цыпочками; на ту пору всегда какъ нарочно, и овинъ умудритъ загорѣться: такая напась была бѣдному парню! И если бы ему при толь жестокихъ ударахъ нестарались подавать потребныхъ утѣшеній, то бы отъ горести давно его въ живыхъ не было. Однако это дѣло пусть будетъ кончено: про одни дрожди не говорятъ трожди.

ПОСЫЛКА ДЕСЯТАЯ.

Знаете ли вы, любезный читатель, отъ чего произошла ета присловица: *какъ мечь лизнулъ*. Ежели нѣтъ, то я въ угодность вашу растолкую—видите—вотъ что—однажды чрезъ Пошехонье проходилъ какой то полкъ; по скаскамъ надобно быть артиллерійскому. Но какой бы онъ ни былъ, намъ съ цѣлымъ имъ куда дѣваться? возмемъ изъ него тѣхъ только, кои надобны, а имянно, коимъ по распредѣленію досталось ночевать въ горожанской улицѣ у мѣщанина *Бывалова*. Изъ питомцовъ Марсовыхъ, какъ извѣстно, еще и нынѣ многіе не такъ то вѣжливо поговариваютъ съ почитателями мирныя и благодѣтельныя Цереры; а тогда, запамятуютъ старики, одинъ солдатъ присутствіемъ своимъ приводилъ въ страхъ и трепетъ цѣлую усадьбу. Пошехонье

хоть было и Пошехонье; то есть: не Тентерева деревня, не скопище пентюховъ и охреяновъ, а городъ какъ рядъ дѣлу, да еще и не изъ послѣднихъ: однако красныя шапки и прочій снарядъ принагрянувшей на дворъ ватаги, не говорю, малымъ ребятамъ, и отъ природы мнительной хозяюшкѣ, да и самому доможачальнику *Бывалому* очень въ глаза бросились. И такъ изъ боязни, или изъ усердія, только онъ всемъ, что имѣлъ, безъ требованія, самъ, предваряя желанія гостей своихъ, старался сколько можно лучше ихъ уподчивать. Дѣло было подъ вечеръ: въ старину ужинывали рано, и ложились спать вмѣстѣ съ курами, да правда вмѣстѣ съ ними и вставали. — Но солдатикамъ, кои за вечернимъ столомъ въ угожденіе вѣжливаго хозяина гораздо поразвеселились, такъ скоро спать не захотѣлось, и вздумалось еще поза-

бавиться. Они на тотъ разъ забыли все свое горе; велѣли засвѣтить и подать себѣ огня, и принялись выкидывать разныя штуки, кто во что гораздъ; иной затянулъ *походную*, тамъ, *веселяся въ чистомъ полѣ*, другіе костей поломать, а нѣкоторые въ картіожъ наяривать; словомъ, дошли до того, что уже безъ всякаго зазрѣнія пихали въ носъ себѣ тобачище. А знаете, ето какая трава, и отъ какого сѣмени прозябла? — Хозяева смотрѣли на таковыя ихъ потѣхи и забавы, сжавъ сердце; но наблюдая долгъ гостепріимства, или лучше, боясь ихъ раздражить, не смѣли выговорить имъ ни одного противнаго слова. Многіе поступки гостей сихъ имъ не нравились; но ничто столь досадно и больно сердцу ихъ не было, какъ видѣть у себя проклятое зелье — разсыпаемое по столу — въ переднемъ углу и по всѣмъ

лавкамъ, и къ тому явное презрѣніе святыни и бусурманство. Ибо они о картахъ не имѣя никакого понятія, и за неумѣніемъ грамотѣ, почитая росписанныя картинки (фигуры, яко то: Короли, дамы и валеты) нѣкіими священными изображеніями, толковали оныя со всемъ въ другую сторону, какъ то по своему, по старинному; а не по нашему по просвѣщенному. Нынѣ не только большой, да и малой ребенокъ въ чтеніи и употребленіи сего рода книгъ не ошибется, развѣ уже будетъ нещастіе, заето я неручаюсь; а тогда — видите сами — о времена! о обычаи! какъ вы перемѣняетесь и мы съ вами! — Такимъ образомъ нахальные гости пробѣсились до полуночи, и не только домашнимъ никому, да и сосѣдамъ покою не дали: то то принеси, то тово дай, да подай, причуры за причурами, только слушай, да успѣ-

вай; мѣднымъ пивомъ то и знай стращаютъ. Наконецъ уже подъ утро, какъ то неліогкое ихъ угомонило. Но хозяину и хозяйкѣ при всемъ осуетѣніи было не до сна. Они боясь, чтобы тоже неліогкое, которое спать уложило, опять ихъ неподняло, скорехонько огонь погасили, и сами прилегли для одного только виду. Они забившись на печь разсуждали съ ужасомъ о видѣнныхъ своими глазами и въ своемъ домѣ каверзахъ, не могши во всю ту ночь сомкнуть глазъ своихъ, и незнали, какъ бы поскорѣе провальныхъ сбыть съ рукъ долой. Такъ больно они имъ насолѣли! — ночь прошла въ хлопотахъ почти не видаючи: и на дворѣ уже началъ показываться бѣлой свѣтъ. Ночлежникамъ надобно вставать и снаряжаться проворнѣе; нѣжиться побарски да растягиваться тутъ нѣкогда; ефрейторъ стучится подъ

окномъ, торопитъ, кричитъ: воровѣе, скоро сборъ ударятъ, да и въ походъ. Добренькая хозяюшка приготовила гостямъ своимъ позавтракать всего, и кисленькаго и солененькаго, а *бывалой* хозяинъ припасъ, чемъ и ротъ прополоснуть. Гостямъ садиться за столъ было нѣкогда, перехватили кое какъ на скоро руку, по солдатски, и какъ услышали барабанной трезвонъ, то недожевавъ куска съ полнымъ ртомъ изъ дому вонъ бросились почти опрометью, такъ что чуть было не забыли гостепріимцамъ своимъ сказать: Спасибо за хлѣбъ, за соль и за всѣ ласки. Однако послѣднимъ лучше всего было то, что Богъ гостей ихъ снесъ съ шеи долой. Какъ они ушли, то у всѣхъ домашнихъ словно пастень съ плечь свалился. Солдаты въ торопяхъ оставили на ночлегѣ хозяевамъ подарочекъ, и имянно воловій рогъ, и барыша еще съ порохомъ;

послѣ можетъ быть и спохватились, да ужъ поздо, ворочаться нѣкогда, отстать отъ товарищей нельзя. Попечительная домостроительница прибирая послѣ нихъ все къ своему мѣсту, нашла его первая, и посовѣтовавшись съ муженькомъ своимъ, заключили оба на вѣрное, что онъ набитъ проклятымъ тобачищемъ; и такъ она тутъ же его въ огонь бросила, однако не со всемъ безъ примѣчанія. Она любопытна была видѣть, какъ ето проклятое зелье(*) въ печи горѣть будетъ; да правду сказать было чево и поглядѣть. „Сперва, расказывала самовидѣца „сія спустя нѣсколько времени дру-„гимъ, нацало его корцыць и коро-„биць, какъ змѣю, и корцыло, кор-„цыло, да сорокъ дворовъ *какъ мень „лизнулъ*.„ Вотъ начало, откуда

(*) Въ старину и порохъ назывался зельемъ. Смотри *древнюю вивліоѳику*.

происходитъ сія толь часто употребляемая нами пословица.

ПОСЫЛКА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бытъ молодцу не укора, но ему пуще перечосу то, когда говорятъ про него небывальщину. Можетъ быть и про Пошехонцовъ нашихъ иное расказываютъ уже излишнее; чего я по отдаленной древности бытія ихъ рѣшительно ни утверждать, ни отрицать не смѣю, боясь, что бы ихъ ни тѣмъ, ни другимъ не обидѣть, хотя думать о семъ и такъ и сякъ можно. Въ числѣ таковыхъ сомнительныхъ повѣстей полагаю я для обрасца двѣ нижеслѣдующія, и ради самаго сомнительства ихъ предложу оныя, какъ можно короче.

1) Похвальный обычай поминать умершихъ примѣчается даже у дикихъ. Любовь и обязанность нала-

гаютЪ на оставшихся долгЪ сей.— Пошехонцы были не камни; они имѣли сердца, сердца также нѣжныя и чувствительныя. Поминать или воспоминать память родителей, сродниковЪ и друзей всѣмЪ людямЪ естественно и свойственно; хотя обряды поминовенія не у всѣхЪ и не всегда бываютЪ одинаковы. У стариковЪ, о коихЪ здѣсь рѣчь идетЪ, между прочимЪ былЪ обычай поминать родителей киселемЪ сЪ молокомЪ; (разумѣется вЪ мясоѣдные дни, вЪ посные же вмѣсто молока употребляли они по Христіанскому долгу сыту или овсяной цыжЪ) но дѣло не вЪ етомЪ. Я говорю здѣсь о самомЪ обрядѣ ихЪ поминовенія. СказываютЪ —что они при обѣдахЪ напоминкахЪ молока на столЪ не ставили, а взявЪ на ложку киселя прихлебнуть онаго изЪ столовой своей ходили вЪ клѣть или вЪ подЪизбицу, то есть, туда, гдѣ молоко стаивало, сколь бы да-

леко, высоко или глубоко ето не было. И что будто бы почерпнувъ молока они возвращались къ столу, садились на прежнія свои мѣста, скушивали при общей трапезѣ; потомъ опять взявъ на ложку киселя вставали изъ застола; ходили вдругоредь за прихлебкой, и паки къ столу возвращались, и сей спасительной променадъ до тѣхъ поръ продолжали, пока опредѣленной для поминовенія кринки и ставца не опорожнятъ. — Ежели такое сказаніе справедливо, то должно думать, что они довольно имѣли свободнаго времени и умѣли себя позабавить изрядно. Ибо ету церемонію можно бы сдѣлать гораздо короче, хотя правду сказать и тутъ нѣтъ бѣды нималой.

2) Еще раскызываютъ объ нихъ нѣчто удивительное въ разсужденіи кормленія коровы травою. Но сіе не до всѣхъ Пошехонцовъ и не до

всѣхъ ихъ коровъ простирается. Одинъ уродъ не дѣлаетъ всей семьи уродами. Посмотримъ дѣла обстоятельнѣе. Потолоки на избахъ и тогда для тепла знали насыпать землею, кровли же на нихъ почитай сплошъ были позолоченыя, чему еще и нынѣ въ крестьянскомъ быту отъ разныхъ причинъ видимъ тысячи тысячь примѣровъ. — И такъ у кого та изъ нихъ отъ долготы времени, а можетъ быть и несмотрѣнія, подмостки и переплеты кровельные со всемъ развалившись вмѣстѣ съ позолоченою крышкою прилегли опочить на потолокъ. Хозяинъ зная, что все въ свѣтѣ тлѣнно и непостоянно, смотрѣлъ на превращеніе сіе равнодушно, а другіе и подавно. И такъ мало помалу на конецъ все сгнило, и по сродству своему смѣшалось съ насыпью; отъ чего земля на потолкѣ такъ утучнѣла, что на немъ безъ посѣва вы-

росла пребогатая дикая жатва, или попросту трава, только пресочная и превысокая, безъ мала почти въ хозяина дому того, которой, надобно вѣдать, хотя по пословицѣ чужія кровли и крылъ, когда своя капала, однако былъ не со всемъ бобыль и бездомовникъ. У него была и коровушка; и для сего то милова живота упустить такого добраго корму даромъ ему не хотѣлось, а какъ достать его, немогъ придумать. Что бы сжать или скосить траву, ему етого не пришло въ башку иль голову; да правду сказать и моды на серпы и косы, какъ мы тотчасъ увидимъ, тогда въ Пошехоньѣ не было. И такъ открываетъ онъ думушку свою тому, другому, третьему, всякому, кто на глаза ни попадется; но совѣты все какъ то неудачны; ни кто не можетъ потрафить въ его мысли — на конецъ приглашаетъ онъ въ совѣтъ

къ себѣ самыхъ столповыхъ мудрецовъ во всей веси, кои собравшись къ его воротамъ и глядя на потолокъ, по важности дѣла, трактовали оное со всею тонкостію и напряженіемъ разума, разбирали его со всѣхъ сторонъ, предлагали другъ другу свои мысли съ выразительнѣйшими тѣлодвиженіями, и не нашли лучшаго средства, какъ втащить корову на избу; пусть де она тамъ на всей красотѣ гуляетъ и отъѣдается. — Корму не съѣсть ей до Дмитрова дни; за выгонъ пастуху не платить — а барыша и волковъ бояться не чего. Сказано, положено — перетолковывать тутъ нѣкому да и нечево. — Корова тотчасъ представлена была на лицо — и совѣтники въ тоже мгновеніе принялись за исполненіе своего о ней проекта — какимъ образомъ они ее тащили, я объ етомъ неизвѣстенъ, а вѣдаю только то, что созванною

помочью вознесли ее не ниже, коли еще не выше, тельца золотова. Блоковъ и подпругъ нынѣшнихъ у ихъ не было; одна молодецкая силка долженствовала замѣнить всѣ эти городскія прихоти; да это и для здоровья лучше. Собственныя руки и плеча служили имъ вмѣсто всѣхъ отъ праздности выдуманныхъ рычаговъ, воротовъ и щуруповъ; и это гораздо славнѣе для богатырей и рыцарей. — Коровушка на новосельѣ такъ загулялась, что почти вдругъ у всѣхъ съ глазъ сгибля. И теперь ее надобно искать на другомъ. Она наѣвшись свѣженькой травки сыскала себѣ мѣстечко и отдохнуть — и гдѣ же, думаете вы? гдѣ потеплѣе, близъ печки, въ избѣ, на полатяхъ — самой стало любо — такъ разнѣжилась — и ножки подняла къ верху. Разумѣется, что у хозяина потолокъ на этомъ мѣстѣ былъ очень надіоженъ. Еще это чудо,

что они сами не провалились вмѣстѣ съ коровою, то бы была комедь! но что ни говори — помочь даромъ нигдѣ не бываетъ; надобно по крайней мѣрѣ за труды почестить хлѣбомъ да солью. Хозяинъ помощниковъ и совѣтниковъ своихъ запросилъ къ себѣ въ избу откушать, чемъ Богъ послалъ. Корова забравшаяся туда прежде, услышавъ ихъ голосъ, дала имъ знать своимъ, что и она изволитъ быть тутъ же. Удивленіе и раздабары ихъ присемъ случаѣ я оставляю. — Пришло не до банкету — надобно немножко погодить подавать на столъ кушанье, а сперва корову какъ нибудь выручить; ибо она сердешная между потолкомъ и палатями словно въ тискахъ такъ была сжата, что уже не обыкновеннымъ молокомъ, а прямо доила масломъ и сметаною. Такое бѣдныя твари состояніе показалось всѣмъ чувствительно.

Однако сЪ лишкомЪ печалиться и отчаяваться нечево. Кто умѣлЪ поднять, тотЪ и опустить какЪ не станетЪ много спрашиваться. Всякое дѣло мастера боится; а мы своихЪ, каковы штукари и проворы, довольно видѣли. И такЪ имЪ опростать полати отЪ коровы для хозяина такая бездѣлица, что и говорить не стоитЪ; имЪ только подрубить перекладину, а то и сама спрыгнетЪ на полЪ; за топоромЪ же дѣло не станетЪ; безЪ него вЪ крестьянскомЪ быту нельзя, безЪ косаря же и не подумай; иначе и вЪ потьмахЪ насидишся досыта. У домовитаго нашего хозяина важивалось и то и другое. Помощники его были тоже не безЪ запасу. И такЪ кто своимЪ, кто хозяйскимЪ, начали такЪ славно дуванить по перекладинѣ, что всѣ стѣны заходили, какЪ живыя. Между тѣмЪ какЪ одни работали, другіе за бездѣльемЪ,

происходящимъ отъ недостатка мѣста участвовать въ работѣ, только что на работающихъ, апуще всево на корову зѣвали, и другъ передъ дружкой пялились къ ней ближе, что бы лучше видѣть, какъ она летѣть будетъ. Корова для удовольствованія любопытства ихъ, постаралась такъ утрафить, что брякнулась прямо въ лицо своимъ зрителямъ, и другихъ изъ братіи ихъ толщею своею такъ изрядно позадѣла, что у нихъ и спектакль выскочилъ изъ ума разума. Въ прочемъ главное дѣйствующее лицо, сиречь корова, послѣ скачка сего нѣсколько пообробѣла; она сдѣлалась гораздо смирнѣе и ручнѣе прежняго, ни бодалась; а только мало дѣло подрягивала ногами и пошевеливала своимъ опахаломъ; голосъ ея былъ тихъ, не веселъ и не продолжителенъ; но за то она другихъ заставила или научила распѣвать своимъ

природнымЪ, то есть, реветь коровою. На конецЪ предЪ глазами всѣхЪ спокойно испустила духЪ свой. И хотя по пословицѣ, смерть ея была самая красная; однако, когда принялись ее освѣживать, то хозяйка и на нее глядя ребятишки затянули такой заунывной концертЪ, что хоть всѣ изЪ избы вонЪ бѣги. СамЪ Владыка дому и любимой своей покойницы, сколь вЪ прочемЪ великодушенЪ ни былЪ, не могЪ смотрѣть на сіе зрѣлище, такЪ какЪ на свою кровлю. ОнЪ подхватывая кулакомЪ выскакивающія градомЪ изЪ глазЪ бусы, проклиналЪ мысленно и свои затѣи и своихЪ совѣтниковЪ. Однако, что бы утѣшить ревущихЪ дѣтей своихЪ и жену между прочимЪ говорилЪ: „полно вамЪ вопиць, кормильныя „мои — жадобные мои: скороль поз„доль и всѣмЪ намЪ такой же конечь „будцѣ.„ Такія про штукарей нашихЪ обносятся премудрости! —

Есть довольно и другихъ подобныхъ симъ обрасчикамъ анекдотовъ, какъ то выношеніе дыму изъ избы решетами, чудесный походъ подъ медвѣдя и проч. и проч. Но я ихъ оставляю, дабы вмѣсто забавы, не навести скуки просвѣщенному читателю чудесностями превосходящими вѣроятіе; однако слѣдующее сказаніе, приносящее немалую честь уму, разуму нашихъ витязей, знатоки древностей признаютъ за истинное и дѣйствительное съ ними случившееся. Утверждаютъ, будто въ Пошехоньѣ, въ первые годы не знали ни серповъ, ни косъ художественныхъ, а все жали и косили своими природными, то есть, хлѣбъ и траву вырывали съ корнемъ руками, или по ихному *церебили* точно такъ, какъ у насъ огородную зелень полятъ. Однажды вечеркомъ или ночью, только знаю, что это было послѣ Ильина дни

забрались къ нимъ въ рожъ откуда то гости, на добрыхъ коняхъ и съ самыми исправными жатвенными орудіями, ржи нажали, въ снопы связали, на телеги уклали, да сами только и были, лишъ поминай какъ звали; ибо они и дѣйствительно оставили по себѣ поминочекъ, а имянно, серпъ такой острой, какъ бритву. Съ какимъ намѣреніемъ они ето сдѣлали, то есть, съ тѣмъ ли, чтобы Пошехонцевъ научить жать, или надъ ними посмѣяться, или же какъ нибудь въ торопяхъ етотъ серпъ забыли, того за достовѣрное утверждать не берусь. Наутріе приходятъ владѣтели земли на то же самое мѣсто по обыкновенію своему *церебить* рожъ, всякой свою, но видятъ, что самыя лучшія полосы такъ очищены, оглажены, какъ Сидорова коза; одни только стебельки торчатъ — ходятъ они по остриженымъ полосамъ и чув-

ствуютъ, что какъ будто кто ихъ за лытки пощипливаетъ, озираютъ все рачительно, дивятся и не могутъ понять, чтобы ето была за причина. Да и правда, кто чево не видалъ, не вдругъ догадается. Подъ конецъ находятъ они серпъ, и ета окаянная находка разрѣшила все ихъ сомнѣніе. „О! — о! — червякъ — „червякъ — червякъ„ — кричатъ они благимъ матомъ ударившись отъ него, кому куда ближе, и отбѣжавъ на такое разстояніе, гдѣ могли быть безопасны, собрались опять всѣ въ кучку, и уже болѣе не сомнѣвались, что видѣнныя ими на полосахъ чудеса, есть дѣло етой мерской и ненасытимой гадины. „Ахци — „хци ребяци! іонъ ентакъ всю росъ „подтоцицъ, и всіо насе Пошехонья „будцѣтъ съ голоду омрець; надо- „бець какъ нибудць сгубиць его„ Все ето хорошо — сказать *згубиць* не мудрено. Да какъ? вотъ въ чемъ

дѣло. Подойти ближе къ червяку всякой трусить; на видимую бѣду добровольно лесть никому нехочется. Издали швыряютъ, фуркаютъ въ него всемъ, чемъ ни попало; но лютая гадина ни съ мѣста, ниже поворохнется, лежитъ себѣ согнувшись боярскимъ слугою, и ухомъ не ведетъ, только что изъ подлобья выглядываетъ, и нажидаетъ, чтобы подскочилъ къ ней какой нибудь вострякъ поближе. На конецъ бесполезно выбившись со всемъ изъ мочи, удумываютъ они прибѣгнуть къ своему Догаду, мужу знаками премудрости преукрашенному, который въ трудныхъ обстоятельствахъ всегда подавалъ имъ благіе и полезные совѣты. Такъ — „давай, „говорятъ они всѣ, позовіомцѣ суды „Догадця, сцо іонъ намъ скажецъ, „такъ тому дцѣлу и быць.„ Вздумано, сдѣлано; послали за *Догадцѣмъ*, котораго лишъ только завидѣли,

вдругъ бросились къ нему на встрѣтеніе, подхватили подъ руки, и понесли сперва какъ на крыльяхъ; но по мѣрѣ приближенія къ предмету своего ужаса и горя, они умѣряли свою запальчивость, такъ что на конецъ приступая на цыпочкахъ, подводятъ его къ червяку, котораго Догадецъ увидѣвъ, сперва было самъ остолбенѣлъ, но подумавъ нѣсколько далъ совѣтъ такой, чтобы какъ можно имъ стараться, подкравшись къ червяку сонному, (ибо всѣ не исключая и Догадца думали, что онъ облупивъ столько полосъ дрыхнетъ натрескавшись) накинуть ему на шею мертвую петлю, и по томъ уже спровадить съ камнемъ въ воду. Вотъ собственныя слова Догадцевы: „Давайцѣ ребяци его „прицалимъ и сбуркамъ его въ ве- „лико ци насе озеро, а то іонъ не „покмя сцо росъ, да и головы наси „подтоцыць.„ Толь мудрый и спа-

сительный совѣтъ принятъ всемъ собраніемъ съ рукоплесканіемъ и радостію. Теперь они дожидаются только вечера, чтобы червякъ заснулъ покрѣпче, и чтобы напасть на него въ расплохъ, а самимъ межъ того поисправиться. Уже приближилась и сія желанная минута: ибо червякъ подъ вечеръ въ ушахъ ихъ началъ такъ храпѣть, какъ сильной вѣтеръ, съ преужасными ревомъ и свистомъ: Такого благопріятнаго намѣренію своему времени они не прозѣвали; напали на червяка сонного со всѣхъ сторонъ, будучи вооружены дрекольемъ и бердышами, и отвалявъ ему напередъ порядочно бока, накинули на него глухую петлю. Бичева была занесена; и такъ прицѣпившись къ ней съ лямками, тащатъ они гадину топить въ озерѣ, которая и нехотя, толикой силѣ должна была повинуться. Догадецъ только покрики-

ваетъ, да погаркиваетъ: о о йio! разомъ — самому любо — такъ *ребяци* его приняли дружно — выносятъ какъ на лету — инда ушки смѣются. Однако червяку что то вздумалось поупрямиться; онъ носомъ своимъ захватился за попавшійся на дорогѣ вересовой кустъ, и такъ крѣпко въ него впился, что бичева лопнула, а его не могли скрянуть съ мѣста. Тутъ они, простивъ бичеву на скору руку и перевязавъ свои лямки, такъ дернули, что онъ съ визгомъ взвился къ верху, и видя свою неминучую въ ярости своей вскочилъ на плеча къ *Догадцю*, и обвившись около его шеи, такъ проворно *стоцылъ* ему съ плечь голову, что никто того не примѣтилъ. Но пожертвовать одною головою для спасенія цѣлаго общества не есть еще важно. Благо лиходѣй попался въ кохти — вотъ ето важно! Теперь ужъ онъ не вывернется, какъ

бы силенъ и проворенъ ни былъ. Нѣтъ — нашла коса на камень. Уже чудище на берегу озера. Восхищенные радостію Кадмы торжествуютъ свою побѣду и одоленіе лютаго дракона: привязываютъ поспѣшно къ бичевѣ жерновой камень; и забравъ все нужное въ ладію, по общему совѣту проворнѣйшіе изъ нихъ отъѣзжаютъ на средину озера топить гадину. Вотъ ужъ скоро — скоро — ей будетъ кранкенъ — Небось, теперь не станетъ болѣе ржи точить. Проворы бывшіе въ ладіи, боясь руками дотронуться до червяка, сперва бросили въ воду камень: и какъ сей притягательною своею силою началъ манить къ себѣ товарища, бывшаго съ нимъ на одной привязи, только что на другомъ концѣ, то послѣдній, не разсудивъ за благо на зарѣ купаться, такъ крѣпко ухватился носомъ своимъ за край лодки, что

ее вдругъ верхъ дномъ поставилъ, и губителей своихъ первыхъ отправилъ жить вмѣстѣ съ карасями. Оставшіеся на берегу, видя все сіе, имѣли причину радоваться по крайней мѣрѣ тому, что проклятаго червяка згубили: „Слава цеби Господи, „говорили они крестясь обѣими ру„ками, сцо не многа понтпонуло, а то „всіо бы насе Посехонья пропала.„

ПОСЫЛКА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Баламъ нынѣче не мода: отъ разныхъ особъ и при разныхъ обстоятельствахъ слыхалъ я ето до тысячи разъ, да думаю, и ты не меньше. Говоримъ мы всѣ, что баламъ или лясамъ не мода; однако онѣ изъ употребленія или моды какъ то не выводятся. — Но коли и самою вещію, имъ любезнымъ нашимъ пришло неслѣтье, то и я въ бесполезныхъ приступахъ, не естествен-

ныхъ Риторскихъ прикрасахъ, словомъ, въ многоглаголаніи, въ немъ же отъ вѣка не бывало спасенія, терять времени не буду. — Можетъ быть описанію не послѣднихъ чудесъ въ свѣтѣ, каковы суть наши Ирои, обладающіе купно и тонкостію ума Архимедова и храбростію неукротимаго Феррага, приличествовалъ бы слогъ болѣе Азіятическій, нежели Лаконическій; но я описываю не подробно житіе ихъ, а представляю только нѣкоторые черты дѣяній ихъ, а сверхъ же сего надобно сказать и то, что я живу не въ ихъ вѣкѣ, и по тому долженъ соображаться нравамъ и обычаямъ своего времени (*). Съ модою ссориться очень неловко. Эта барыня

(*) Еще до насъ сказано:
Si fueris Romae,
Romano vivito more;
Si fueris alibi,
Vivito sicut ibi.

такъ щекотлива, такъ своенравна, что коли чуть чуть не по ее, то она тотчасъ разгнѣвается, и въ наказаніе велитъ тебя зауказать пальцами. Надобно иногда и не хотя плясать по ея дудочкѣ. Почему и я въ угожденіе ей не хочу съ лишкомъ высоко забираться.

Музой, Лирой, Аполлономъ,

Конемъ Парнасскимъ, Геликономъ

— и прочими толь громкими словами пускай владѣетъ, кто хочетъ. Вcѣ сіи вещи суть величественны, и для пламеннаго воображенія прекрасны, необходимы; но намъ онѣ не подъ нужду. Мы ни поему, ниже высокопарную сочиняемъ оду, а просто, безъ прикрасъ, побасеночки сплѣтаемъ, да мараемъ. — Однако не полно ли мнѣ съ модами? — Видите! какъ онѣ отводятъ отъ пути надлежащаго. Лучше говорить самое дѣло, какъ было. — Случилось однажды какъ то загулять въ По-

шехонье двоимъ съ большой дороги коноваламъ. Мужики были рослые и дюжіе, которые, надобно знать, вмѣсто вывѣски своего мастерства, обвѣшаны были кругомъ операторскою своею збруею. И какъ тогда время было обѣденное, и у *Нетрусяги* ворота стояли растворены настижъ; то они по дорожному, безъ дальнихъ околичностей, затесавшись къ нему на дворъ, безъ просу махъ прямо къ нему въ избу, да еще и въ передній уголъ. Отъ усталости начали они отдуваться, встряхиваться и раскладываться по столу и по лавкамъ съ брящающими и ужасными своими инструментами. Хозяину и хозяйкѣ, кои родясь не видывали людей въ такомъ странномъ уборѣ, что то вздумалось вдругъ изъ избы выскочить въ сѣни, изъ сѣней на дворъ, со двора на улицу, да и къ сосѣдамъ, такъ что вгоряче не вспомнили и о родимыхъ своихъ дѣтушкахъ. Ребя-

мишки оставшись одни съ гостями ударились было въ слезы, но гости наши отъ сего не оторопѣли, и ласковостiю своею скоро съ ними поладили; однако кромѣ квасу, отъ етихъ домовничихъ ничего достать было не можно. Ибо у хозяйки на етотъ разъ все съѣстное было заперто и припрятано. Посѣтителямъ же, коимъ по выходѣ хозяевъ не трудно было примѣтить свою ошибку, ломать замки, озарничать и буянничать не разсудилось за благо: сойти со двора то же не было охоты. Ибо имъ подумалось и то, что въ другомъ мѣстѣ по разнесшемуся о нихъ слуху можетъ быть ихъ и со всемъ на дворъ не пустятъ. И такъ чтожъ имъ осталось дѣлать? — Голодъ не тетка, разбираетъ въ плотную, а отъ ребятъ проку нѣтъ никакого — Спрашиваютъ у нихъ и того и сего, но отвѣты все отрицательные — какъ ни быть, а видно при-

шло дожидаться самихъ хозяевъ, и при нихъ доигрывать начатую комедію — между тѣмъ велѣли они ребятамъ достать огня, принести подтопки и дровъ; и они на ошосткѣ развели такой свѣтъ, что хоть быка жарь. Надобно сказать, что въ тогдашнее время, какъ порасскажутъ старики, коновалы были не плоше, коли еще не поглаже, нынѣшнихъ мѣльниковъ. Они дѣлывали такія вещи, что и теперь, какъ послышишь объ нихъ, такъ волосъ дыбомъ. — И какъ хозяева возвращаться домой сами не спѣшили, то гости, чтобы ихъ заманить поскорѣе, вотъ что сдѣлали! они съ ребятами такъ начали играть и шутить, что на голосъ ихъ прибѣжали тотчасъ не только родители, да и сосѣди, хотя и тѣ и другіе не вдругъ вскочили въ избу, а у оконъ и дверей хорошенько поприслушавшись. Мать первая отважилась, а за нею и дру-

гіе принахлынули. Много кое чево тутъ было; но подъ конецъ мало помалу все утихло, угомонилось. Коновалы рѣшились тутъ отобѣдать, во что бы ни стало. Но дабы многими вдругъ требованіями съ лишкомъ не озадачить, просили у хозяевъ, чтобы они позволили имъ самимъ сварить себѣ похлебочку, увѣряя ихъ, что имъ для сего ни чего болѣе не надобно, опричь одного камня. „Акъ? оприцъ іодново кам-„ня? — и взабыль такъ? Говорили „удивленные хозяева, ето оцень „цудесно! — Ну ужъ какъ бы то „ни было, мы вамъ за ето ручаемся, „подхватили коновалы, вотъ на „то правая рука! И ежели вы хо-„тите, то мы и васъ научимъ сей „тайнѣ; а вы за то дайте намъ „только воды и камень.„ Что коновалами сказано, хозяевами сдѣлано. Домоначальникъ бросился на улицу и притащилъ каменья цѣлой по-

долѣ; изволь себѣ выбирать любой. Тогда просители выбравъ одинъ другихъ по видимому посочнѣе и помягче, вымыли его чисто начисто, налили въ горшокъ воды и опустивъ благословясь въ него камень, поставили горшокъ на огонь, увѣряя, что похлебка ихъ тотчасъ поспѣетъ. Уже вода въ горшкѣ бьетъ бѣлымъ ключемъ, но камень неупрѣваетъ нимало. Предубѣжденные въ ихъ пользу хозяева, каждую минуту въ горшокъ посматривали съ наилучшею вѣрою, прихлебывали; но — подъ конецъ стряпуны, коимъ ѣсть хотѣлось не на шутку, начали выходить изъ терпѣнія. Они видя, что камень ихъ неупрѣваетъ, и зная, что ему даже въ Папиновомъ горшкѣ упрѣть нельзя, приписывали водѣ всю вину сей мѣшкатности, говоря, что етому пособить иначе не можно, какъ бросивъ въ горшокъ немножко соли.

Солоница тотчасъ была подана; соли положили; но какъ и сія не съ лишкомъ скоро дѣйствовала надъ камнемъ, то для смягченія его, почли они за нужное, положить туда нѣсколько коровьяго масла. Хозяева желавшіе нетерпѣливо видѣть окончаніе сего новомоднаго молодецкаго стряпанья, рады были дать все, чего бы они ни попросили, и такъ были къ нимъ ласковы, какъ тіоща къ молодому зятю. Повара пользуясь минутами сего ихъ иступленія, достали еще яицъ, крупъ и муки для притирки, всего столько, сколько имъ было надобно; ребята же по приказу ихъ сбѣгали въ огородъ, принесли капусты, луку и другой зелени, что все бывъ положено въ горшокъ гораздо скорѣе поспѣло, нежели камень. Тогда попробовавъ — они сказали: „Теперь „варить полно — упрѣло хорошо — „пора садиться обѣдать.„ Горшокъ

съ огня сняли и поставили на столъ — тутъ имъ подали хлѣба, и они накушались съ голодухи такъ, что любо дорото. Камень служилъ имъ вмѣсто изряднаго каплуна, и какъ все еще былъ нѣсколько жестковатъ, то они до его почти и недотрогивались. Хозяева для любопытства, присѣвъ съ ними къ горшку, на силу отъ него отстали. Такъ имъ сладко показалось! Гости послѣ хлѣба, соли, поблагодаривъ ихъ, какъ водится у честныхъ людей, за угощеніе, сказали имъ, что бы они обвертѣвъ вареной въ похлебкѣ камень въ чистенькое платенышко берегли до случая, открывая имъ за тайну и слѣдовательно шепча на ухо, хотя посторонныхъ тутъ и никого небыло, что если де когда вздумается имъ покушать такой доброй похлебки, то стоитъ только етотъ камень безъ всякихъ хлопотъ и снадобья

въ простой водѣ поварить, давъ ей прокипѣть хорошенько. И поелику первая показалась имъ очень вкусна, то они не успѣвъ дорогихъ гостей проводить за порогъ, тотчасъ бросились расказывать о семъ чудѣ своимъ сосѣдамъ, которые сбѣжавшись и отвѣдавъ похлебки не могли надивиться и нахлебаться ее досыта; ибо ее застали уже на донышкѣ. Слухъ о семъ чудесномъ стряпанъѣ разнесся въ мигъ по всему Пошехонью, гдѣ нѣсколько мѣсяцовъ сряду все о томъ только были и разговоры. И какъ никому не пришло въ голову принять во уваженіе соль, масло, яицы и проч. то всѣ единодушно утвердились въ томъ, что тутъ неотмѣнно должно быть что нибудь чрезъестественное и превышающее догадку человѣческую.

П. П. Это неплоше того, какъ расказываютъ про одного унтеръ-

офицера, стоявшаго гдѣ то въ большомъ домѣ на караулѣ, которому тутошній поваръ, чтобы отвадить его отъ кухни и отучить отъ нѣкоторыхъ повадокъ, въ пирогѣ скормилъ его же лосинную парадную перчатку. И чтобы сего усерднаго посѣтителя кухни, послѣ увѣрить, съ чемъ былъ пирогъ тотъ, не усовѣстился показать ему при глазахъ всѣхъ служивыхъ и своей кухонной братіи, одинъ только отъ перчатки пальчикъ, сказывая, что все прочее ушло въ начинку.

Посылка тринадцатая.

Да будетъ теперь позволено толь славныхъ Ироевъ, каковы суть наши, пустить погулять по бѣлу свѣту. Съ ихъ достоинствами сидѣть все дома очень стыдное дѣло, а особливо, когда есть еще имъ и хоро-

шій случай показать себя въ людяхъ. Опять когда, поди жди же его, да когда то еще дождешся, либо будетъ, либо и нѣтъ. Синица въ рукахъ лучше соловья въ лѣсѣ. Но я долженъ сказать, какой имянно случай представился драгоцѣннымъ нашимъ бисерамъ блеснуть въ публикѣ. Изволите видѣть — вотъ что! — изъ Военной Коллегіи къ Пошехонскому Воеводѣ насланъ указъ, повелѣвающій ему какъ можно скорѣе набрать подъ извѣстную мѣрку нѣсколько молодцовъ, считая съ двухъ сотъ пятидесяти душъ по одной, и выстригши поплотнѣе имъ лаверже отправить, въ чомъ кто есть, въ Москву; гдѣ для нихъ все будетъ готовое и единообразное. Чегожъ лучше искать етой окказіи? — Хотя пресловутое Пошехонье тогда душами и очень было нескудно; однако онѣ не могли не представить себѣ, что при таковомъ раз-

численіи въ число избранныхъ могутъ попасть немногіе. И такъ они отчаяваясь, еще прежде выбора, какъ только имъ указъ объявили и растолковали, по всѣмъ домамъ и улицамъ подняли такой стонъ да вой, какъ словно волки въ зимнее время умирающіе съ голоду — Но разсудите пожалуйте, не ужели всѣ они были безнадежны? — Не ужели всѣмъ надлежало погрузиться въ отчаяніе? — Изъ десятка тысячь полныхъ душъ, (ибо толикое оныхъ число состояло тогда въ Пошехоньѣ по послѣдней переписи) ежели съ двухъ сотъ пятидесяти взять и по одной, то навѣрно сорокъ человѣкъ будутъ столько счастливы, что не платя прогоновъ, на казенныхъ подводахъ и барыша еще съ провожатыми въ Москву матушку прокатаются, и всего даромъ досыта насмотрятся. Такъ — это все сущая и истинная правда; да

дѣло вотъ въ чомъ? Какъ ты угадаешъ прежде времени, на кого падетъ жеребій? — Вить ето нежареное, не пахнетъ. Хорошо, кому Воевода съ руки, то есть: кто забѣжалъ къ нему поранѣе съ задняго крыльца, такъ тотъ таки можетъ быть понадежнѣе, и съ подушкой менѣе думаетъ — а другой и всемъ бы кажется взялъ, да — безъ вины скажутъ виноватъ — поди же судись, да толкуй послѣ. Таковото безъ заступы и безъ дядюшекъ! — видно уже такъ и быть — не нами свѣтъ начался, не нами и скончается — Я говорю, человѣкъ сороковину съ барышкомъ подхватили, скрутили какъ надобно. Кто попалъ въ число сіе, тотъ правъ; а другіе поди оставайся, да горюй дома сидя, пожалуй припѣвай себѣ заліотныихъ малыхъ пташечекъ, горегорькіихъ кукушечекъ, подъ окошичкомъ сидючи, на чужихъ родныхъ глядючи,

а своихъ вспоминаючи. Новобранные Марсяне, будшо ясные соколы, взвились и полешѣли на ямскихъ съ колокольчиками въ Москву бѣлокаменну, служишь правдою самому Царю: въ Пошехоньѣ ихъ шолько и видѣли. Такимъ образомъ ѣдучи они прибыли въ Москву славную пуши не видаючи. На другой день прибытія ихъ во сполицу, они всѣ съ ногъ до головы осмошрѣны, никакой худобы въ нихъ не примѣчено; и по шому они въ дѣйсшвишельную службу безъ замедленія приняшы. Снарядили добрыхъ молодцовъ пощогольски, обучили искусшву воинскому; и ежели бы шеперь посмошрѣшь на нихъ, шо право шакія молодцы, хошь куды возьми. Уже многіе изъ нихъ занимаюшъ посшы, да и весьма важные; и служа всею вѣрою и правдою они славно прославились. Осшавляя прочихъ для примѣру, я упомяну здѣсь шолько объ

одномъ изъ нихъ по прозванію *Толстолобовѣ*. Однажды пришла ему очередь постоять съ ружьемъ для забавы часиковъ полдесятокъ на часахъ у главнаго своего штаба N. во внутреннихъ покояхъ. Толстолобовъ нашъ, хоть и самъ разумѣлъ воинскую регулу; однако для предосторожности его и повторенія, капралъ еще до разводу на квартирѣ такъ крѣпко надулъ ему въ уши, что онъ чуть не оглохъ, нижеслѣдующее: „1 е. чтобы никакого шуму „и стуку въ той комнатѣ, гдѣ онъ „стоять будетъ, не было; 2 е. чтобы „никого изъ посторонныхъ и незна„комыхъ не пускать безъ особливаго „на то приказу; и 3 е. въ случаѣ чьего „нибудь сопротивленія или ослу„шанія поступать съ таковымъ въ „силу воинской регулы, то есть: „безъ всякой пощады душить прик„ладомъ, во что ни попало.„ Толстолобова привели и поставили съ

четвертаго по полудни до смѣны. Приказъ и лозунгъ ему отдали, что все по остротѣ своей онъ такъ перехватилъ, какъ будто огонь пожралъ. Но не успѣлъ онъ, такъ сказать, хорошенько установиться, какъ слышитъ нѣкоторый смѣшанный шумъ, похожій на стукъ древоточнаго червячка. Настораживаетъ уши и въ ту и въ другую сторону, поглядываетъ туда и сюда, глазами ничего не видитъ, а слухъ не обманываетъ; и чѣмъ тише, тѣмъ слышнѣе, чемъ далѣ, тѣмъ громче. И такъ, думаетъ себѣ, это худой червякъ. Ибо (по причинѣ глубокой окрестъ тишины и пустогладкихъ въ томъ покоѣ стѣнъ) гулъ такъ отдавался, будто кузнецъ молотомъ по наковальнѣ бьетъ. На конецъ прислушавшись хорошенько подходитъ онъ къ тому мѣсту, откуда стукъ происходитъ — останавливается, и какое же ужасное приви-

дѣніе представляется глазамъ его! человѣкъ, или лучше призракъ въ полтора раза выше его ростомъ, головища какъ артельной котелъ, ротикъ маленькой и тотъ на лбу, поетъ кукушкой; глаза длинные, остроконечные, ходятъ кругомъ, а третій другихъ поменьше такъ и бѣгаетъ; лицо какъ скобелью вытесано, гладкое, круглое, бѣлое инда лоскнетъ, и во кругъ его все черненькія пятнышки; рукъ со всемъ не видать, на головѣ малахай кажется мѣдной; кафтанъ деревянной, не подпоясанъ, а не распахивается; ногъ нѣтъ, а стоитъ прямо, я же прибавлю: и ходитъ, подлинно ето нѣчто непростое! Столько отличительныхъ признаковъ нашедши *часовой* нашъ въ семъ призракѣ, не узналъ кореннаго своего имени, отъ коего онъ происходитъ. Ибо ето были существительные часы, хотя они и сами, какъ Митрофанушкина

дверь, къ стѣнѣ приставлены были. Подошедъ ближе къ чудовищу сему, хотѣлъ было его окликнуть; но на ту пору языкъ у него какъ словно примерзъ, и въ горлѣ будто нарочно сдѣлался такой засадъ, что не могъ промолвить ни слова: однако мало помалу онъ ободрился — и по силѣ данной себѣ инструкціи велитъ перестать стучать мнимому своему чертополоху: „цисе, гой пер„стань, я цеби баю, подзи вонъ, „а не то знашъ, вотъ ецимъ (по„казывая на ружье) да смерци успо„саю.„ Но нѣтъ — заведенная махина словъ не слушается; а герой почитая ее нѣчимъ одушевленнымъ вооружается всею силою и храбростію своею. На конецъ вышедши уже изъ терпѣнія, хлопъ изо всей мочи, что называется не въ бровь, а прямо въ глазъ, прикладомъ — и еще разъ, да и еще давай покачивать и по головѣ, и по бокамъ, и спереди

и сзади; словомъ онъ воинствовалъ дотѣхъ поръ, пока ненатѣшился досыта. Ибо не только мужественно низложилъ силу вражію, но и раздробилъ въ мѣлкіе дребезги, чтобы и духъ не пахъ. Одержавъ толь знатную побѣду, и запыхаясь отъ усталости говоритъ онъ глядя яростными очами на поверженный и разгромленный трупъ: „много ли „васъ асцо есь етакихъ, выходци, „всѣхъ подавай суды — о-го! я васъ „приберу къ рукамъ — а то вишъ „іони — ба! ето сцо? (продолжаетъ „Ираклъ увидѣвъ себя нечаянно и „въ первой разъ отъ роду въ зер- „калѣ) ты сцо за чел-экъ! проць „цуцела — пугало огородное— (такъ „Нарцисъ нашъ славно отчестилъ „себя), а сцо подразнись — я ци „дцьявола — о! такъ ты а сцо сталъ „со мной — я ушъ одново ваша бра- „та проуцылъ, ажно и цѣбе тавожа „хоцетця — подразнись, ой спохва-

„тисса — видно баяньемъ съ тобой „по добру нераздѣлацься.„ По сихъ словахъ вдругъ бацъ со всего размаху по зеркалу; гласъ огромныя серенады раздался по всему дому. Полковникъ легшій отдохнуть вскочилъ безъ памяти — не смѣетъ выпти въ переднюю — такъ раскудахталось ретивое чадо Алкменино! все побѣдилъ, преодолѣлъ — торжествуетъ и не можетъ самъ надивиться своей храбрости. Размышляетъ о достойномъ подвигу своему воздаяніи; неувядаемые лавры почестей ему мерещатся, какъ на яву. Но пожалуйте — что то побѣдитель нашъ теперь станетъ баять? Народу набѣжало полны хоромы --- раба Божія скрутили при всей его храбрости. Не запоетъ ли онъ самъ теперь кукушкою? въ военномъ быту знаковъ отличія за подобное геройство не занимать; они готовы и ожидаютъ только спины его, чтобы

достойно увѣнчать ее. Ибо Полковникъ, за толь храбрые подвиги, усердіе къ службѣ и неустрашимость для примѣру другимъ, приказалъ съ прописаніемъ его заслугъ, влѣпить ему предъ фрунтомъ хорошій памятникъ въ спину.

Посылка четырнадцатая.

Да --- не забыть бы тебѣ сказать, какъ чудодѣи наши ходили на славную ярмонку неболь далече отъ Пошехонья въ Пугніево, (*) и что съ ними въ семъ путешествіи случилось. — Изволишъ видѣть — они собравшись хорошею вереницею, запасшись въ дорогу хлѣбомъ, солью, а для покупки разныхъ галантерейныхъ вещей алтынами, и вооружась свойскими рогатинами, выступили

(*) Нынѣ мѣсто сіе конечно переименовано; ибо его въ новѣйшихъ Географіяхъ невидно.

въ путь дороженьку благополучно, радошно. Но забывши дома бездѣлицу, сирѣчь справиться со зрячею Пасхаліею, они къ ярмонкѣ немножко не утрафили, и пришли въ Пугніево на третій день послѣ оныя; однако такъ рано, что тамъ послѣ праздника всѣ еще спали безъ просыпу. На досугахъ разгуливая по Пугніеву, и разсматривая все съ примѣчаніемъ, увидѣли они вдругъ на кровлѣ помѣщичьихъ хоромъ нѣчто весьма странное, и себѣ дюже не по сердцу, а именно въ подобіе человѣка, съ метлой, веревками, и еще Богъ знаетъ съ чемъ, такого чернаго, страшнаго, что съ перваго взгляду поздравили они видѣніе сіе. *Нечистымъ д.* Да и дѣльно; ибо чудище сіе дѣйствительно было все перепачкано въ сажѣ. При таковомъ необычномъ явленіи, нѣкоторые изъ братіи разсудили было навострить лыжи подалѣе; но другіе посмѣлѣе

и поразумнѣе, ихъ отъ сего отговорили, представляя, что всякую нечисть можно прогнать крестомъ и молитвою. И такъ кое какъ установившись на одномъ мѣстѣ, отъ глубины души принялись креститься и творить молитву; отъ чего *Нечистаго* на трубѣ начало такъ корчить, іожить и коробить, что и глядѣть было ужасно, Всякой благоразумной читатель и безъ моего напоминанія видитъ, что это былъ трубочистъ, отправлявшій обыкновенную свою работу; Но прошлецы наши сочтя трубочиста *Нечистымъ* д. почли работу его слѣдствіемъ духовнаго своего оружія — пріосамились, ободрились, а особливо, когда сей нечистой отъ ихъ въ трубу спрятался. Они видя сіе, балансировали другъ съ другомъ отъ радости, торжествуя и духомъ и тѣломъ свою надъ врагомъ рода человѣческаго побѣду. „Смотрицѣко,

„смотрицѣ ребяци! узо пряцыцьса—
„а га! да нѣсь — отъ насъ не-
„упрыгніоць — пойдціомцѣ ребяци
„воровѣй въ хоромы, сцопъ окаян-
„ной надъ намъ не смѣялси, кричали
„они изо всего горла, размахивая ро-
„гатинами: не бось мы укоротаемъ
„животъ ему — и избавимъ енцихъ
„бѣдныихъ (разумѣя жителей Пу-
„гніевскихъ) отъ такой ужести.„
Сказавъ сіе полетѣли, они какъ
ястребы за голубемъ, подступили,
атаковали со всѣхъ сторонъ домъ
помѣщичій. Теперь уйти нечистому
некуда. Стучатся въ ставни безъ
милосердія, напираютъ въ ворота
всею грудью, калитку высадили —
ворвались на дворъ — приступаютъ
къ сѣнямъ — дверь выломили — при-
хожую взяли штурмомъ, все стало
отверсто — всемъ овладѣли — сту-
пай куда хочешъ — бѣгаютъ по по-
коямъ словно лютые звѣри, су-
ются по всѣмъ угламъ, бьютъ, ло-

маютъ, швыряютъ, кричатъ, словомъ, воюютъ такъ, какъ будто какой городъ взяли. Кратко сказать они вооруженіемъ и ухватками своими всѣхъ въ домѣ столько переполохали , что никто не смѣлъ головы приподнять, а всякъ пряталъ свою отъ свѣту подалѣе. Ибо всѣ незваныхъ и слѣдственно нежданыхъ прогонителей бѣса, почли съ просонья не иначе, какъ забредшими съ большой дороги промышленниками, или такими выходцами съ того свѣта, каковымъ они вообразили себѣ трубочиста, то есть ихъ почли дьяволами. На конецъ *Пронюхинъ*, парень великой проворъ и смѣльчакъ, первой осачилъ *нечистаго д.* въ кухнѣ, которой, какъ скоро его завидѣлъ, притворился, будто въ трубѣ обмѣтаетъ сажу. Однако *Пронюхинъ* тѣмъ обмануть себя ему не далъ, и при всемъ лукавствѣ лукаваго зналъ, что ему дѣлать. Онъ

не говоря ни слова, схватилъ домоваго за ногу, и въ попыхахъ скликалъ какъ пѣтухъ къ себѣ куръ своихъ товарищей: „Сцѣса — сцѣ — са „ребяци! я осацылъ!„ Но прежде нежели дружки его подоспѣли къ нему на помощь, *Нечистой д.* успѣлъ его ядромъ своимъ осачить такъ славно по боку, что онъ только крякнулъ и ни живъ, ни мертвъ такъ и растянулся. Несмотря на сіе, подскакиваетъ къ нему *Силацонъ*, размахиваетъ руки, чтобъ его охапить и стащить живаго всѣмъ на показъ; но трубочисту удалось такъ наеликтризовать щоки и скулы *Силацоновы*, что онъ отъ чрезмѣрнаго въ глазахъ блистанія, свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Ему казалось, что на тотъ разъ вся Вселенная объялась пламенемъ. За сими пробовали было потормошить его и еще нѣкоторые поудалѣе и посмѣлѣе; но *Нечистой д.* остервенившись и скрежеща зубами

умѣлъ ото всѣхъ отбояриться безъ дальнаго вреда себѣ, не оставивъ самъ ни одного человѣка безъ клейма своего. Иному отпечаталъ онъ на лицѣ чертовскую свою лапу, другому расквасилъ носъ, третьему расчесалъ лобъ, четвертому подрисовалъ глаза и брови, всѣхъ какъ быть надобно подрумянилъ, защищаясь отъ нападающихъ, чемъ ни попало. Но когда Христолюбивые ратоборцы принялись за свои рогатины, то онъ позапорошивъ имъ, глаза сажею сгребая и кидая ее обѣими руками, которой ему не занимать стало, за благо разсудилъ оборотиться вѣдьмою и убраться въ трубу повыше, что къ удивленію всѣхъ предстоящихъ такъ проворно сдѣлалъ, что опричь столбомъ ходящей сажи въ кухнѣ, вдругъ ничево стало невидно. Етакой проклятой оборотень! — Между тѣмъ Господинъ дому имѣлъ время прити

въ себя, и узнавъ все дѣло дочиста, прогонителямъ крѣпостнаго своего бѣса, за толикое ихъ усердіе, вздумалъ прибавить на закуску нещипаная того, что они получили отъ трубочиста, и въ знакъ должныя своея благодарности велѣлъ ихъ проводить со двора своего, какъ возможно лучше, не жалѣя ни рукъ, ни колья. Во исполненіе сего господскаго приказа, одержимые *Нечистымъ духомъ*, исцѣлителей своихъ такъ изрядно на растаняхъ укачали, уподчивали, что сіи не вспомнили, за чемъ пришли, и поворотили изъ Пугніева назадъ во всю прыть — откуда взялись ноги? — На добромъ рысакѣ успѣвать за ними было въ пору. Имъ казалось, что все за ними гонятся. О закупкѣ товаровъ и о ярмонкѣ тутъ ни слова. Но отбѣжавъ етакъ верстъ пятокъ, высуня языкъ, они осмѣлились оглянуться, и видя себя внѣ опасности, рыси

своей поубавили; уговорились или лучше принудились итти легче, съ роздыхомъ. Но поелику каждой изъ нихъ наровилъ, чтобы не остаться, назади, а быть въ передней шеренгѣ, или по крайней мѣрѣ въ середней, ради всякаго случая, а имянно, чтобы не попасть первому въ когти; то и послѣ условія сего шествіе ихъ мало чемъ разнилось отъ прежняго. Однако они начали тутъ побахоривать, и о чемъ же? — все обътодномъ своемъ *нечистомъ*, котораго они въ тотъ день сподобились видѣть своими глазами, осязать своими руками, и обратно. „Тото циво „ребяци! у насъ въ Посехоньѣ, раз„добаривали они, домовой ходиць „толко по ноцамъ до пѣуновъ, да и „то невицимкой, а тутъ окоянной „поосерець бѣла дня, и люцѣй не „полохатца. — Да мышъ ево цосно „отпотцывали.„ Много и премного они кое чево о семъ разсуждали.

Разные толковали ето дѣло разно. Иной бахвалился своею храбростію и смѣльствомъ; другой съ простоты говорилъ о передрягѣ, какую себѣ отъ *Нечистаго* и имъ одержимыхъ видѣлъ: третій изъявлялъ сожалѣніе свое о бѣдныхъ Пугніевцахъ; но всѣ единодушно закаявались ходить впредь ни на ярмонку, ни за другимъ чемъ въ *Пугнїево*. Такъ оно славно ихъ пугнуло! — здѣсь они и вспомнили, за чемъ ходили, да ужъ поздо — не ворочаться стало — многія довольныя причины ихъ отъ сего удерживали; но одно дѣльцо, котораго я не скажу, было всѣхъ причинъ причиннѣе. Если они и останавливались на возвратномъ пути своемъ, то весьма мало, и то для причинъ самыхъ важныхъ и переговоровъ необходимѣйшихъ. Но бѣшеные Свѣтовидовы кони не дѣлали имъ компаніи для подобныхъ ихнымъ нуждъ и побасокъ. Они безъ разсужденія

повиновались вождю своему, и уже весьма не далеко были отъ предѣловъ раздѣляющихъ день отъ вечера, какъ наши Галантомы завидѣли съ горы сельцо *Закуряево*. Радость ихъ при семъ видѣніи была неописанна. Ибо сельцо сіе по близости своей къ ихъ родинѣ, и особливо по имѣвшейся въ немъ всегда винной продажѣ, имъ было такъ знакомо, какъ свое *Посехонье*. И такъ, напрягши послѣднія свои силы, они принялись въ полтора полотнища кроить шаги свои, удвоили скорость движенія мышцъ, бѣжали заскаля лбы и выпуча глаза, и за то правду сказать въ *Закуряево* поспѣли прежде, нежели оные свѣтловолосаго хозяина кони во свои стойла. Здѣсь рѣшились они взять покой себѣ до утрія, и отъ сугубаго перелому, то есть: какъ нравственнаго, такъ и физическаго, хорошенько полѣчиться Закуряевскимъ зеленымъ бальзамомъ.

Почему и привалили они прямо къ казенной аптекѣ, украшенной извнѣ еловыми лапками. И какъ имъ въ етотъ день умыться и вытереться было недосужно, то они въ Закуряевѣ по деревенскому быту представили собою маскерадъ довольно веселой. Однако имъ самимъ было не до того — сложились въ складчину — тяпнули по доброй чарѣ, клюнули по другой, давай еще по третьей — только подноси, да не обноси — всѣ стали живѣе, бодрѣе — боль въ костяхъ сняло, какъ рукой, сердце ныть перестало — духъ храбрости оживотворился. Словомъ, все пошло другое. Но какъ въ семьѣ не безъ урода; то и между ими замѣшался одинъ фалалей именемъ *Микѣха*, которой ни пилъ съ ними, ни тѣшился, а только изъ подлобья на закуликавшихъ товарищей поглядывалъ. — Надобно вѣдать, что етотъ *Микѣха* былъ парень молодой, дюжой,

зажиточнаго отца сынъ и въ винѣ еще неискусившійся. Товарищи долго его просили, подчивали, уговаривали, ублажали, но безъ успѣху. Покуда хмѣлинушка не разъигралась путемъ въ головушкахъ ихъ, онъ всякое какъ отказывался, отнѣкивался, отговаривался. Но убѣдительнѣйшіе ихъ доводы принудили его выпить для удовольствія и за здравіе компаніи сперва сладенькаго медку, потомъ съ пивцомъ, тамъ съ винцомъ, а подъ конецъ и голенькаго простачка — и непивоха нашъ, такъ разохотился, что лилъ себѣ на лобъ все безъ разбору какъ воду, и уже не требуя потчиванья, самъ присусѣдился къ растворенной плохѣ такъ плотно, что полчаса мѣсто съ нею полабзившись, такъ одурѣлъ, словно бѣлены объѣлся — ахъ, батюшки свѣты! какихъ, какихъ штукъ онъ тогда не выкидывалъ! — ужъ то то прямо было чево и послушать и

поглядѣть. Какими, какими не воспѣвалъ онъ голосами! — кричалъ благимъ матомъ, хрипѣлъ, стоналъ, мычалъ, ворчалъ — кривлялся, билъ, ломалъ, бросалъ, топталъ — дѣлалъ сальтра бальтра, или попросту плясалъ, писалъ МЫ. отбивалъ головою часы объ стѣну, считалъ носомъ половницы, руками же при всемъ беспамятствѣ дѣйствовалъ такъ исправно и мѣтко, что развѣ рѣдкому изъ земляковъ его не досталось по доброму отпечатку отъ оныхъ, а иной и гораздо довольно схватилъ себѣ отъ него тепленькихъ. Словомъ, онъ колобродилъ, блажилъ, куралѣсилъ до тѣхъ поръ, покуда мочь была; и въ сіе малое время оказалъ столько мужества и проворства, что потчивальщики его ужъ сами нерады стали своимъ затѣямъ, а его храбрости. Весьма вѣроятно, что онъ съ подобными шутками провозился бы еще долѣе,

если бы силы его не отреклись во все служить ему. Съ нимъ случилось то, что по пословицѣ буркѣ причиняютъ крутыя горки. Подобно сей рьяной лошадкѣ спотнулся и палъ нашъ доброй молодецъ. Какое вдругъ неожидаемое зрѣлище! поглядите пожалуйте — се онъ лежитъ распростертъ яко древо, но не древо — звѣрь? не звѣрь — кому же уподобить его? ето едина куча упражняющая мѣсто — безгласенъ, безчувственъ, недвижимъ. И судя по обмертвелому его виду, безъ сомнѣнія былъ бы положенъ подъ святые, еслибы нѣкія дѣйствія природы, старающейся переработать его ошибку, не подавали еще знаку о его жизни — за обморокомъ его скоро послѣдовавшие ики воздымали грудь его, какъ добрыя дрожжи опару, или лучше, какъ раздувальный мѣхъ легкій пепелъ. Гортань не отдѣлалась даромъ за свое услажденіе; она

съ прегорькимъ auканьемъ, изрыгала подобно возгорѣвшемуся Везувію густую и нечистую лаву. Невинные и принужденные свидѣтели ея пированія, испужавшись такой казни, спрятались совсемъ подъ лобъ. Нѣжныя розы, процвѣтавшія на щекахъ, будто обдало варомъ — блѣдность покрыла все лицо — губы запеклись какъ Вестфальской окорокъ. Вотъ каковъ нашъ теперь *Микѣха*! — любезная юность! блюди красоту свою и цѣломудріе — это еще незрѣлые и не всѣ плоды піянства; они чемъ спѣлѣе, тѣмъ ядовитѣе. Ты видишъ, коль опасно содружество съ развращенными, и коль блиско въ бесѣдѣ ихъ искушеніе, пагуба! — сказалъ бы я и еще кое что, но дѣлать поученіе другимъ и безъ меня есть кому. Если я обратился къ тебѣ, то единственно по любви моей. Наслаждайся ты въ непорочномъ и сладчайшемъ веселіи драгостію

лѣтъ своихъ; а я примусь опять за стариковъ своихъ, сирѣчь, за товарищей Микѣхиныхъ. Они видя съ парнемъ такую притчу долго не знали, чему приписать ее, но раскинувъ хорошенько, что называется, умъ по плѣши, увидѣли ясно, что въ него вселился *нечистой д.* и имянно, тотъ самой, которой имъ показался въ *Пугнїевѣ*, и что слѣдовательно все это его окаяннаго пакости. Заключенїе ихъ, судя по дѣйствїямъ было не такъ то дурно; и чѣмъ оно вѣроподобнѣе имъ представлялось, тѣмъ глаза ихъ становились свѣтлѣе и болѣе, а волосы ежовѣе. Я говорю здѣсь о объявшемъ удальцовъ нашихъ страхѣ: но для чего молчу о ихъ унынїи, сѣтованїи, туженїи, кои этому пучеглазу кромѣ старшинства ни чемъ не уступали? — Такъ — они обставъ во кругъ *Микѣху*, глядятъ на распростертое его тѣло

изступленными глазами, изъявляющими душевное смущеніе и глубокую скорбь ихъ. Долгое время не отверзаютъ они устенъ своихъ — стоятъ какъ стопочки, какъ вкопаные, повѣсивъ свои буйныя головушки. Уже вѣнчающійся плющемъ и разъѣжающій на львахъ и тиграхъ пухленькой красавчикъ не занимаетъ ихъ болѣе. Степенная жена, представшая въ черномъ одѣяніи съ распущенными волосами, обратила на себя все ихъ вниманіе. Тьмы разныхъ думъ и грезъ лѣзутъ безъ докладу въ столицы ихъ разума: то представляется имъ отчаянный Микѣхинъ отецъ, рыдающій о сынѣ своемъ, то мечтается жестокой и неукротимой его нравъ — Одна страсть преодолѣвается другою — питаемая любовь къ парнюхѣ, открылась тутъ всеобщею о немъ жалостію, которая какъ ехидна деретъ немилосердо ихъ

утробы — вырывающіеся изъ Адамантовыхъ грудей охи, слышны были далеко на улицѣ — слезы подобно жемчугу катились изъ источниковъ своихъ по ланитамъ умащеннымъ Пугніевскою сажею — какъ быть? *Микѣха* отъ часу становится недвижимѣе, разслабленнѣе, труднѣе, только и надежды, что храпитъ сердещненькой — незнаютъ, не придумаютъ, какъ пособить своему горю горемышному. Уже мрачное отчаяніе начинало изображаться на ихъ лицахъ; уже было хотѣли *Микѣху* напутствовать въ жизнь будущую, какъ вдругъ предстаетъ имъ Ангелъ утѣшитель, избавитель, въ лицѣ отставнаго служиваго *Смѣкала*, которой хотя съ перваго взгляду увидѣлъ все дѣло до полушки; однако примѣтивъ въ нихъ сильную охоту къ повѣствованію своей Исторіи показывалъ имъ, будто ничего не

знаетъ, и просилъ ихъ, ничего не утаевая, расказать все дѣло, какъ что было — тутъ у всѣхъ языки засвербѣли не въ стерпежъ — каждому хотѣлось показать свое красноречіе — и сколь беспорядочно они ради чрезмѣрной печали ни изъяснялись; однако Смѣкалъ понялъ ихъ изрядно. Когда рѣчь дошла до вселенія *нечистаго д.* въ *Микѣху*, то онъ почти при каждомъ ихъ словѣ задумывался, вздрогивалъ отъ ужасу, то пожималъ плечами, то нахмуривался и качалъ головою, оплевывался, бормоталъ нѣкоторыя таинственныя и невнятныя слова, дѣлалъ разныя рожи, одувался и одувалъ предстоящихъ, осматривая каждаго съ головы до ногъ — глядѣлъ въ ставецъ съ водою — крестился на всѣ стороны; словомъ, онъ показалъ ясно, кто онъ таковъ по своей наукѣ. И когда увидѣлъ должное себѣ по знанію своему уваженіе,

то для куражу объявилъ имъ, что въ *Микѣху* точно вселился *нечистой д.* и что ета проклять напущена на всѣхъ ихъ отъ *лихихъ* людей въ *Пугніевѣ*, что, если бы де онъ еще минуту укоснилъ своимъ приходомъ, то бы они не то увидѣли— что однако теперь дискать благодаря Бога имъ бояться не чево, и что самый бѣснующійся не совсемъ безнадеженъ, что хотя де онъ (говоря о себѣ) и самъ етой наукѣ поученъ по силѣ, однако есть де у него одна добрая пріятельница старушка, такая могучая, сильная. . . . что весь адъ трепещетъ ея заклинаній—и что на ея то силу и помощь совѣтуетъ онъ имъ положиться, а иначе. . . . чтобы де и другимъ тоже, да и еще горшаго недосталось. (На ушко тихонько читателю я скажу, что сія толь хвалимая чародѣйка была Смѣкалова теща, однако пусть ето будетъ

въ скобкахъ). Здѣсь весь соборъ, кромѣ аптекаря, брякнулся *Смѣкалу* въ ноги, прося и моля его о неоставленіи себя бѣдныхъ въ такой крайности; а сей возвыся голосъ, продолжалъ хвалу своей знакомкѣ, изобрѣтая доводы изъ всѣхъ мѣстъ топическихъ, даже невозможныхъ, и украшая оные разными фигурами и тропами, а особливо такими, въ коихъ болѣе говорится, нежели разумѣть надобно. При чемъ не забывалъ онъ напоминать и о угрожающей опасности. — На конецъ видя, что рѣчію своею довольно поштатнулъ умы слушателей на свою сторону, являлъ онъ себя чувствительнымъ къ ихъ нещастію, часто потиралъ себѣ глаза изъ жалости, и досадовалъ на разстояніе, коль оно въ прочемъ было нимало, раздѣлявшее его на ту пору со своею и всего рода человѣческаго благодѣтельницею. Тутъ пошли вопросы да

распросы о ея жительствѣ, и имъ указанъ былъ третій домъ, шагахъ етакъ въ пятидесяти, насупротивъ той аптеки, гдѣ они закупали лѣкарство. Похваловѣщатель побѣжалъ прежде одинъ къ возлюбленной своей Ѳеѣ, яко бы предварить ее, дабы нечаяннымъ толь многихъ посторонниxъ людей приходомъ, не помѣшать ей въ какихъ нибудь важныхъ упражненіяхъ, не обеспокоить ее безвременно, и тѣмъ не подгадить всего дѣла; разставаясь же далъ имъ честное слово и вѣрную руку, всѣми силами своими стараться о ихъ пользѣ, обѣщаясь при томъ возвратиться къ нимъ, какъ будетъ возможно скорѣе. Сколь ни отрывисто было сіе раставаніе; однако онъ успѣлъ наточить имъ еще не мало лясъ, кои всѣ были приняты за сущую истинну — бѣснующагося велѣлъ онъ хорошенько скрутить пеньковымъ крученымъ свивальни-

комъ, чтобы не бился; за неимѣніемъ же пристойныхъ носилокъ, положить его на телегу, тутъ случившуюся, покрыть цѣновкою, словомъ, быть въ готовности къ маршу по первому отъ него сигналу — по наставленію сего усерднаго посредника, скоро все было изготовлено, сдѣлано — и страждущимъ состраданіемъ на животѣ тутъ нѣсколько поотпало — Ибо лучи надежды озарили скорбію омраченныя сердца ихъ. — Чрезъ четверть часа возвратился ихъ утѣшитель, изъявляя губами своими радость о успѣхѣ своего ходатайства. Онъ имъ объявилъ въ короткихъ словахъ, чтобы они не теряя времени, за нимъ какъ можно скорѣе слѣдовали, сказывая, что сердобольная его пріятельница по человѣколюбію своему помочь имъ рада отъ всего сердца; ежели будетъ только способъ; — но обладающей толикими талантами что

есть въ свѣтѣ невозможнаго? — И такъ, жаждущіе исцѣленія подхватя телегу на руки шествовали съ крѣпкимъ упованіемъ за ходатаемъ своимъ къ дому реченныя избавительницы — пришли — ворота стояли не заперты — у коихъ не по заслугамъ своимъ встрѣчены они самою госпожею дома, коей, по наставленію *Смѣкала*, всѣ въ одинъ темпъ грянули челомъ въ мать сыру землю такъ бойко, что лбами своими чуть подворотни и съ воротами не спрорушили — При всемъ томъ введены они весьма благосклонно въ аудіенцъ-залу, гдѣ по приказу той же добренькой хозяюшки, обвитаго веревками снявъ съ одра положили на столъ, и поставили подъ образа въ передній уголъ. — Пусть онъ немножко тутъ полежитъ, а мы между тѣмъ посмотримъ другихъ лицъ дѣйствующихъ. *Ѳадѣевна*, такъ называлась госпожа дому, прощамкавъ какіято

изъ науки своей слова надъ тѣломъ, и сдѣлавъ нѣсколько преудивительныхъ тѣлодвиженій, обратилась къ предстоящимъ, и просила ихъ честію выпти вонъ и проводить ночь безъ опасенія въ подклѣтяхъ , сказывая имъ , что они тутъ могутъ до смерти переполохаться, когда она будетъ имѣть дѣло съ такимъ ужаснымъ духомъ, каковъ есть вселившійся (здѣсь назвала она его такимъ именемъ, котораго въ другой разъ ей и самой не выговорить бы); и что де сверхъ того онъ будучи изгнанъ изъ *Микѣхи* можетъ вселиться въ кого нибудь изъ нихъ, и что ей отъ того будетъ только двойная работа. Она такъ хорошо и счастливо описала имъ *Нечистаго*, и трудность его изжененія , что слушателей ея, еще ничего невидя, подрало по кожѣ — и они въ торопяхъ и напалохавшись вмѣсто всѣхъ отвѣтовъ возили только поклоны,

моля ее тихимъ и дрожащимъ голосомъ о помилованіи. О положеніи лицъ ихъ на сей разъ я не говорю уже. На конецъ со всемъ откланялись — ушли. Восхищенная старушенца пожелавъ имъ доброй ночи и спокойнаго сна всѣхъ перекстила по своему, обнадеживая, сколь въ прочемъ великаго труда ей стоить не будетъ, исцѣлить къ утрію бѣснующагося — *Смѣкалъ* проводилъ ихъ на предреченный ночлегъ, наносилъ и разослалъ имъ соломы для повалки, да правду сказать и не даромъ — онъ впустивъ всѣхъ въ подклѣти вмѣсто молитвы на сонъ грядущимъ, прочиталъ имъ изъ головы свое поученіе, коимъ старался ихъ усовѣстить или увѣрить, что для изгнанія и преодолѣнія *Нечистаго* нужны неминуемо денежки, а имянно, что для сего потребны разные корешки, порошки, душки, камешки, составы химическіе, инструменты

физическіе и проч. и проч. кои де всѣ вещи продаются великою цѣною, и что хотя благодѣтельница его, будучи сама человѣкъ незажиточной, по скромности и добродушію своему имъ и ни чего о семъ не упоминала; однако де имъ самимъ, какъ честнымъ и благороднымъ людямъ, надобно знать честь и чувствовать цѣну благодѣянія — прибавляя, что Богъ никому не даетъ прямо съ небеси хлѣба, а всякой де отъ своихъ собственныхъ трудовъ имѣетъ себѣ прокормленіе; но что въ прочемъ онъ отдаетъ все сіе на ихъ волю, а только напоминаетъ, чтобы имъ опослѣ немучиться совѣстію, не воздавъ по мѣрѣ силъ своихъ за толикое себѣ благодѣяніе. --- Въ продолженіе сея предики слушатели *Смѣкаловы* поглядывая одинъ на другаго изъ подлобья, взаимнымъ прищуриваніемъ глазъ и мгновеннымъ повертываніемъ на

бокѣ головы, давали другѣ другу знать, что *Смѣкалъ* другѣ и Патронѣ ихѣ говоритѣ, какѣ самая премудрость. — И такѣ они тотчасѣ скинулись безѣ щоту — изѣ благодарности — за свое собственное избавленіе, и чрезѣ сего своего посредника били челомѣ бабушкѣ *Ѳадѣевнѣ* чуть нецѣлою шапицею ходячей разной монеты. Тутѣ *Смѣкалъ* ихѣ оставилѣ со знаками искреннѣйшаго дружества, зачуралѣ и приперѣ такимѣ замкомѣ, котораго не беретѣ самая разрывѣ трава; а самѣ яко участвователь вѣ толь важномѣ дѣлѣ, спѣшилѣ на помочь своей великой Мейстеринѣ, которая увидѣвѣ его сѣ такою ношею ахнула, обмерла отѣ удивленія, и забывѣ на ту пору важность предлежащаго себѣ подвига, и дряхлость лѣтѣ своихѣ, чуть не пошла выкидывать ногами, яко Иродіа виномѣ упившаяся. Подмастерье ее высыпавѣ изѣ

шапки на столѣ знаки одержанной имъ благодарности, и раскладывая оные мѣрными кучками былъ въ неменьшемъ ея восторгѣ — и такъ будучи на одинѣ безъ свидѣтелей, они по наукѣ своей вступили въ разныя между собою совѣщанія, какъ *Микѣха*, у котораго внутри пылала Гекла, попросилъ испить, и тѣмъ прервалъ ихъ разглагольствіе — и они опасаясь, чтобы паціентъ ихъ прежде операціи не исцѣлился сномъ, тотчасъ къ нему подбѣжали, и затушивъ огонь принялись валять его и покачивать, крича ужасающимъ голосомъ, и тѣлодвиженіями своими давая знать, якобы все борятся съ невидимою силою вражіею — короче сказать, они такъ хорошо нащекотали ему бока, брюховину и спину, что онъ пришелъ въ чувство и отъ бѣса избавился нѣсколькими часами ранѣе, нежели какъ бы быть надлежало. И

когда дурь изъ головы у него гораздо повышла, то *Смѣкалъ* принялъ трудъ возвѣстить, молодымъ своимъ, опочивающимъ въ подклѣтяхъ, что *Нечистой* изъ бѣднаго парня ихъ выпуренъ, да и добрымъ мастерствомъ, что больной де теперь въ совершенномъ разумѣ, и хотя еще отъ надсады немношко поохиваетъ, однако де все ето ужъ ничево и пройдетъ весьма скоро — послѣ сего онъ представилъ ихъ самой *Ѳадѣевнѣ*, которая въ тѣ минуты въ послѣдній разъ скачивала съ песта *Микѣху* для совершеннаго его очищенія отъ духа нечести; и молодые наши видя, бѣсновавшагося въ навечѣріи уже сидяща, несвязанна, разговаривающа, какъ быть надобно, словомъ, почти со всемъ здрава, обомлѣли отъ радости, и несовѣтуясь много съ черезами и кошками своими старались ей изъявить всякой лично свою благодарность. Бабушка имѣла

мягкое сердце, была жалостлива и ко всѣмъ бѣднымъ милостива; и потому просить себя долго не заставила. Тутъ подходятъ они всѣ къ Микѣхѣ для поздравленія, оглядываютъ его кругомъ, съ ногъ до головы, распрашиваютъ его о томъ, о семъ — какъ онъ проводилъ ночь, что чувствовалъ при выходѣ дцьявола, помнитъ ли, какъ онъ его вчера мучилъ и проч. на что *Микѣха* имъ отвѣтствовалъ кратко, что етакой ужести родясь невидывалъ, и что съ сихъ поръ закажетъ другу и ворогу ходить, за чемъ бы то ни было, вь *Пугнїево* — и голосъ, съ какимъ онъ произнесъ сіи послѣднія слова, всѣхъ словно кипяткомъ обдалъ. Но усердный *Смѣкалъ* взялся избавить ихъ сего страха, и *Микѣху* со всемъ поставить на ноги, предлагая имъ, чтобы они дали ему по одной только гривнѣ, а ужъ онъ де знаетъ, что дѣлать далѣе —

вдругъ сложились, денежки вручили, и *Смѣкалъ* стремглавъ бросился въ аптеку за лѣкарствомъ — минутъ черезъ десять явился онъ опять предъ собраніе, и съ чемъ же? съ двумя превеликими рѣдчинами живой воды! *Микѣхѣ* для подкрѣпленія силъ задалъ онъ первому хорошій пріемъ, а потомъ и другимъ по очереди, не забывая себя и любимой своей тещушки. За первымъ пріемомъ оглушилъ онъ всѣхъ другихъ. Пошли дружескіе разговоры да раздабары— рѣдчина лѣтѣла за рѣдчиной — бесѣда становилась отъ часу живѣе и веселѣе — *Микѣха* къ обѣду совсемъ исправился, или лучше, наклюкался какъ красная клюковка — около полудни они изъ *Закурляева* въ путь выступили, такъ довольны и всѣ радошны, что и гайки нема, и на третій день къ вечеру восвояси преблагополучно прибыли. Жены, сестры и ребятишки, наказывавшія

имъ купить себѣ и тово и сево, и по тому ожидавшія возвращенія ихъ съ крайнею нетерпѣливостію, выбѣжали встрѣчать ихъ за версту, бросались къ нимъ на шеи, цѣловали, миловали; но за всѣ свои ласки, вмѣсто чаемыхъ гостинцовъ и обновокъ себѣ, должны были удовольствоваться единымъ повѣствованіемъ заломныхъ подвиговъ, подъятыхъ ими въ семъ преславномъ путешествіи.

ПОСЫЛКА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Кто какъ другой, а у меня обычай такой: коли взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Пусть кто считаетъ, какъ хочетъ; а я свое дѣло знаю — кому не любо не слушай, а намъ немѣшай. — Во время возвратнаго путешествія изъ Пугніева бредовыя сандаліи нашихъ петиметровъ такъ сильно проголодались, что

надобно было неотмѣнно или заткнуть имъ разинутую пасть, чтобъ онѣ еще сколько нибудь послужили, или со всемъ бросить. И послѣднее сказуемое было гораздо сходнѣе. Ибо первое, въ дорогѣ досугъ ли за етакою бездѣлицею валандаться, а второе, и гдѣ ты возмешъ всѣ къ тому принадлежности, какъ то костыки, колодки, лыки и проч. — Я говорю о томъ, что прошлецы всесвѣтные, пробираясь домой на утекъ, парадныя свои лапотки такъ славно отшляндали, что ноги обливаясь красными слезами просили себѣ обновки. Товаромъ етимъ хотя и не было тогда такого порядочнаго торгу, какъ нынѣ; однако сыскать его и особливо съ наличными — и еще такимъ проидошамъ, нечего не стоило. Знали добрые молодцы, что онъ по необходимости своей, хотя не такъ въ знатномъ количествѣ, важивался во всякомъ домѣ.

И такъ имъ и снилось и видѣлось, какъ бы только поскорѣе добраться до станціи — наконецъ уже къ вечеру, кое какъ болѣе нежели впробось, приволоклись они до селенія, безъ дальнаго разбору стали на ночлегъ, и отдохнувъ нѣсколько, чтобы было чемъ дома побахвалить, спрашивали у хозяина самаго лучшаго лапотнаго мастера. Къ счастію ихъ, хозяинъ сей былъ вовсемъ околодкѣ тотъ самой искусникъ, знатокъ, мастеръ, какого они съ толикимъ домогательствомъ искали. Гостепріимецъ о талантѣ своемъ не утаилъ отъ гостей ничего, а обьявилъ все, что надобно; и коли правду сказать, то онъ доказалъ на самомъ дѣлѣ, что ихъ не обманывалъ. Ибо когда путешественники пожелали видѣть опытъ его искуства, то онъ для удовлетворенія любопытства въ мигъ сбѣжавъ на подволоку, притащилъ от-

тпуда до нѣсколька пудовъ своей работы, всякихъ — рѣдкихъ и частыхъ, большихъ и малыхъ, и бредовыхъ, и липовыхъ и берестяныхъ, простыхъ и съ подковыркою, безъ ушковъ и съ оборками — изволь всякъ выбирать себѣ любыя — между тѣмъ мастерова жена стараясь соблюсти долгъ гостепріимства, по силѣ своей принесла для гостей цѣлое беремя чистенькихъ партяночекъ — увидѣвъ вдругъ предъ глазами и почти не ожидая такое сокровище захожіе обомлѣли отъ радости, и на оное бросились съ такимъ устремленіемъ, какъ будто бы имъ все это было кинуто на драку. Бросились, повторяю, начали — почали — хватать, подергивать, рвать, толкаться, пихаться, что только гляди, да усовъ береги — и хозяинъ уже не зналъ, какъ ихъ успокоить, и привести въ чувство, боясь, чтобы дѣло не дошло

до худова. Однако на конецЪ аряси-ной, доставшейся ему послѣ дяди Герасима, ихЪ поумялЪ, образумилЪ, усовѣстилЪ. Тогда онЪ велѣлЪ имЪ брать, смотрѣть, выбирать, примѣривать, порядочно, легонько, безЪ запальчивости, не торопясь. Ребята были послухмяны; и такЪ дѣло пошло своимЪ чередомЪ: выбрали, примѣрили, обулись, не могутЪ наглядѣться на прекрасныя свои ножки, расхаживаютЪ вЪ задЪ и передЪ по палатѣ, выфинтываютЪ на похвальбу другЪ передЪ другомЪ — такЪ любо, что инда ушки смѣются: „вотЪ давно бы такЪ, Господа, го-„воритЪ имЪ хозяинЪ; поздравляю „васЪ сЪ обновками; дай БогЪ вамЪ „ихЪ вЪ радости сносить, да по-„скорѣе ко мнѣ за новыми прихо-„дить, а теперь, коли не будетЪ „вамЪ вЪ трудЪ, прошу пораздѣ-„ваться.„ Предложеніе сіе было принято весьма благосклонно — раз-

щитались дружески, расплатились честно — обѣ стороны остались предовольны, а наша сверхъ того и безъ заботы. Теперь выглядять, хотъ бы куда, ребята. Ротозѣямъ пожалуй вольно себѣ пускать все мимо ушей, и самыя полезнѣйшія вещи оставлять безъ всякаго замѣчанія. Въ число зѣвакъ живо врютились бы и наши проидоши, если бы одинъ человѣкъ изъ компаніи ихъ именъ *Замахинъ*, остроуміемъ и дальновидностію своею не выскребъ пятна сего. Такъ — дѣйствительно. Между тѣмъ какъ всякой за себя раздѣлывался съ хозяиномъ, сей отмѣннаго ума и проницанія мужъ, старающійся все обращать въ свою пользу, не зѣвалъ вмѣстѣ съ товарищами своими по пустому. Онъ замѣтилъ, что цѣна лаптей пропорціональна величинѣ ихъ, то есть: чѣмъ больше лапти, тѣмъ и цѣна имъ больше, а чѣмъ меньше, тѣмъ

меньше. Однако, чтобы не прошибиться въ своемъ наблюденіи, онъ при отходѣ просилъ у самаго мастера на примѣчанія свои изъясненія, которой отвѣтами своими совершенно подтвердилъ его мнѣніе. И чтожъ бы, вы думаете, сдѣлалъ нашъ *Замахинъ*? Не такъ то скоро догадаешся — все сіе смотавъ себѣ хорошенько на усъ, онъ сдѣлалъ въ премудрой головѣ своей заключеніе такое, что самыя большія лапти будутъ самыя дорогія. И такъ пришедъ домой, не теряя времени принялся за исполненіе своего проекта, и на первой случай, сплѣтши одну парочку величиною въ свой ростъ, вывезъ на базаръ ее продавать; но она была столь дорога, что никто не могъ не только купить ее, но и даже приторговаться не осмѣлился. Нѣкоторые мелкоправчатые купцы, смотря завистливыми глазами на сіе превосходнѣйшее издѣ-

ліе, говорили ему съ злобною усмѣшкою, что ето не лапти сдѣланы, а лодки, и что на нихъ можно ловить рыбу, ежелибъ только придѣлать весла. Но сія мнимая насмѣшка не только не обескуражила нашего *Замахина*, но еще подала ему поводъ къ новому и неслыханному дотолѣ предпріятію. Онъ сравнивъ тогда цѣну лаптей, съ цѣною лодки, нашелъ, что дѣлать послѣднія, и особливо съ его искуствомъ, несравненно будетъ прибыточнѣе и славнѣе. И такъ не мѣшкая болѣе на базарѣ рѣшился поворотить бурку свою ко двору, и сперва сіи лапотки мало дѣло поправивъ въ фасонѣ, упечь за хорошую цѣну, а тамъ уже поступать въ искуствѣ своемъ и далѣе. Какой имѣла успѣхъ сія дальновидная предпріимчивость, толковать нечево.

Въ заключеніе скажу я тебѣ не выдуманное отъ себя, ниже слы-

шанное отъ другихъ, но нечто такое, что я собственными моими глазами видѣлъ, а ушами слышалъ. Исторію надобно начинать отъ корня — лѣтъ шесть или семь тому назадъ, здѣсь на Выборгской сторонѣ, разбивали примѣрно городокъ. Куда всякаго званія, пола и возраста собралось зрителей такое множество, что и смѣты небыло. Да правду сказать, было чево и полюбопытсвовать — какъ хватитъ изъ пушки, то земля подъ тобою у-у-утакъ и стонетъ родимая; а послѣ, когда взорвало крѣпостцу, такая пошла потѣха, что, чаю, и дѣдамъ нашимъ не въ память. Однако теперь не объ етомъ дѣло. Прежде нежели начали разбивать городокъ, мнѣ прилучилось стоять недалеко отъ той галлереи, которая была сдѣлана для знатныхъ. Подлѣ меня стояла ватажка мужичковъ, по видимому въ городѣ еще небывалыхъ,

кромѣ одного *Ванюхи*, которой предъ товарищами своими старался на похвальбу выкидывать разныя штуки. Стоявшему близъ меня незнакомцу, что то вздумалось ихъ спросить: *Кой городъ, ребята*! И какъ они въ отвѣтъ сказали: *Посехонья, родцимой*! то я, будучи ничемъ незанятъ, сталъ смотрѣть на нихъ внимательнѣе, зная, что они чемъ нибудь да себя покажутъ, какъ то и дѣйствительно скоро послѣдовало. Здѣсь мимоходомъ надобно сказать, чтоето было около осенняго равноденствія, то есть: въ такое время, когда яблоками, грушами, баргомотами и другими иноземными плодами у насъ такъ загромождена бываетъ биржа, что отъ бочекъ и ящиковъ съ оными почти проходу нѣтъ; и слѣдственно, когда отъ припѣвовъ перебивающей симъ лакомымъ товаромъ братіи, ни гдѣ укрыться не можно. По улицамъ, по

подоконью, на мостахЪ, по перекресткамЪ, вЪ саду, на НевскомЪ, вЪ ГостиномЪ, за городомЪ, на гульбищахЪ, вездѣ, всюду праздношатающіеся дерутЪ во все горло: ябл. лим. груш. бархомот. хорош. Но извѣстно, что чѣмЪ больше гдѣ собраніе, тѣмЪ и прислужниковЪ сихЪ сбирается больше. И ужЪ можно сказать такіе подлипалы, балясники, что нехотя развернешся, а особливо на знакомствѣ — даромЪ, что не учены политикѣ. ВЪ глазахЪ моихЪ тогда было ихЪ братьи, сирѣчь, сЪ корзинками и лотками, около полдесятка. И одинЪ изЪ нихЪ подскочивЪ кЪ предметамЪ моего вниманія, припѣвомЪ своимЪ прельстилЪ ихЪ какЪ Сирена. РаскрылЪ тотчасЪ корзину, показывалЪ свой товарЪ, хвалилЪ, такЪ что они глядя на заморскіе фрукты, не могли управляться со слюною. ТакЪ у нихЪ зубЪ свистѣлЪ

на прекрасныя яблочки! ибо они все находящееся въ корзинѣ, какъ то: померанцы, лимоны и проч. почитали яблоками. Однако по новости своей не надѣясь на себя они, посредникомъ въ переговорахъ съ симъ торгашемъ употребили знакомца своего *Ванюху*, такъ какъ человѣка опытнаго и бывалаго, которой вдругъ пріосамясь спрашивалъ у разнощика самыхъ лучшихъ Бульскихъ аблоковъ. Хотя рѣчь его и не весьма была вразумительна; однако продавецъ понялъ ее изрядно. И поглядѣвъ нѣсколько въ глаза купцамъ своимъ, вмѣсто яблоковъ, что то вздумалъ рекомендовать имъ померанцы и лимоны, и то не лучшіе, или по крайней мѣрѣ средственные, а самую гниль. Изъ сего мнѣ не трудно было заключить, что етотъ плутъ забѣжалъ въ Питеръ нашихъ нѣсколько поранѣе. И какъ было тутъ произошло нѣ-

которое сомнѣніе, що разнощикъ ссылался на знающаго *Вангоху*, а сей боясь, чтобы не подать о себѣ худаго мнѣнія и какъ нибудь не остаться въ дуракахъ, рѣшился взять сторону разнощикову, титулуя въ сердцахъ противорѣчащихъ себѣ товарищей сущими невѣждами. И такъ съ помощію продавца, онъ ихъ увѣрилъ, что показываемая гниль, суть точно Бульскія найлучшія яблоки, и что такая внѣшность доказываетъ совершенную зрѣлость и отмѣнной вкусъ плода. На словахъ его стало — торгъ конченъ — лимоны куплены и раздѣлены по братіи — *Вангоха*, сколько у него уста ни драло, ѣлъ ихъ такъ, что не могъ нахвалиться, не смотря на то, что деревенщина не привыкшая еще къ высокому вкусу, прикусывая оныя, строила лицомъ разныя потягушки, и непрестанно оплевывалась — однако никто не

смѣлъ похаить его выбора. Такую онъ пріобрѣлъ себѣ довѣренность! послѣ сей лестной поблажки, *Ванюха* отъ часу больше дѣлалъ проказъ, и земляковъ своихъ приводилъ въ крайнее удивленіе вольнымъ своимъ обхожденіемъ, проворствомъ и знаніемъ свѣта. Онъ показывалъ имъ все достойное любопытства, толковалъ, расказывалъ; какъ напримѣръ: Вотъ ето то, ето для тово и для тово — ето такой то — ето такая то и проч. „Екъ, „екъ ребяци! гутарили между себя „удивленные его слушатели, Ванюха „насъ акъ наторѣлъ, смотриця ко „акъ іонъ похазывае да повинтывае, „таки во вся его не узнацьбы.„ *Ванюхѣ*, — которой всѣ разговоры ихъ слышалъ, показалась похвала сія слаще меду — И онъ вдругъ какъ послѣ доброй чарки, сталъ еще смѣлѣе, веселѣе, важнѣе; живѣе — выступаетъ мѣрно, держится, какъ

будто зашнурованъ, смотритъ прижмурясь, словомъ въ *Ванюхѣ* все было отмѣнно, недоставало одного только лорнета да фрака, а то со всемъ бы Господчикъ. Будучи въ толикомъ о дарованіяхъ своихъ восхищеніи, а болѣе для показанія передъ земляками удальства своего; подходитъ онъ къ реченной галлереѣ близехонько, мѣшается со знатностію, приступаетъ на крыльцо, не спуская самъ глазъ съ своихъ товарищей. Торжественная похвала и чрезмѣрное удивленіе послѣднихъ его ободряютъ — *Ванюха* хотѣлъ было еще далѣе, еще выше; какъ вдругъ на ту пору откуда ни взялись человѣка четыре въ красномъ одѣяніи съ чорными воротниками и обшлагами — ну знаете, что при всенародныхъ зрѣлищахъ расхаживаютъ съ тросточками для соблюденія порядка и благочинія. Можетъ быть имъ биться и невелѣно; однако они видно на

етотъ разъ забылись, и больше дѣйствовали руками, нежели языкомъ — примкнули доброва молодца со всѣхъ сторонъ, прихватили по военному, и такъ начали ожгучивать, что *Ванюха* нашъ не только отъ ихъ и галлереи, да и отъ земляковъ своихъ ударился въ народъ опрометью. И я къ сожалѣнію только его и видѣлъ. Послѣ хотя мнѣ товарищи его и попались, только его тутъ не было — И мнѣ нельзя было спровѣдать, дождался ли онъ, какъ городокъ разбивать стали, или прямо лизнулъ на свою фатеру, По всему вѣроятію заключить можно, что не такъ спинѣ, головѣ и бокамъ его были чувствительны палочныя впечатлѣнія, сколько душѣ его несносно было безчестіе претерпѣнное предъ глазами своихъ знакомыхъ. Ибо салдаты и первое — его встрѣтили: о! о! у! ворона! Куда ты лезешъ? — за чемъ? — Отъ толь нечаяннаго при-

вѣтствія *Ванюха* весь измѣнился — Лице его уподобися бѣлому плату. Товарищи же его, кои за минуту предъ тѣмъ не умѣли довольно восхвалить его достоинства и надивиться досыта его дарованіямъ, тутъ глядя на него вмѣстѣ съ другими зубоскалами надрывали живошики свои съ хохоту. — Вотъ какъ скоро преходитъ слава человѣческая!

